

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Выходит под редакцией В. Вишневого, А. Кулагина, В. Лебедева-Кумача, М. Лифшица, Е. Петрова, Н. Погодина, А. Фалеева.

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

ОКТАБРЬ 15 ВОСКРЕСЕНЬЕ 1939 год № 57 (836) Цена 30 коп.

Лермонтов и наша современность

Сто двадцать пять лет тому назад началась короткая, бурная и бесстрашная жизнь одного из величайших поэтов России...

И все боюсь, что не успею и свершить, чего-то! — писал юноша Лермонтов, охваченный смутным и властным волнением.

В 1902 году в своей гениальной работе «Что делать?» Ленин отстаивал против всех «стремлений» и «хвостов» право рабочего класса на мечту.

Наше социалистическое общество продолжает в истории человечества еще никем не изведанные пути.

Наследник Пушкина, Лермонтов в свою очередь оказался одним из живых романтиков, питавших дальнейшее развитие русской литературы.

Лермонтов — один из тех представителей классического наследия, совершенное мастерство и величие идей которых делают их особенно близкими советской литературе.

М. Ю. Лермонтов. Портрет работы художника П. Заболотского. 1837 г.

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА

В АЛЬБОМ Н. Ф. ИВАНОВОЙ
Что может краткое свиданье
Мне в утешенье принести,
Час неизбежный расставанья
Настал, и я сказал: прости.

Эти стихотворения обнаружены мною в альбоме 1870-х годов, принадлежавшем в свое время жене курского губернатора — М. Д. Желанской.

Письмо Якуба Коласа своим землякам

Дорогие! Я услышал по радио и прочитал в газете, что один из моих однофамильцев и земляков, Игнат Микевич, просил передать мне: приезжайте в свое родное село...

Давно меня тянет в родной уголок, где был я вскормлен, где учился и провел свои молодые годы, уголок, которого я не видел уже четверть века.

Паны хвастали, что будут воевать с немцами над Берлином, а на второй день войны позорно, на-смех перебежали в Западную Белоруссию...

Пляхты и ее прислужники много распускали гнусных слухов про нас и, наверно, нашли кое-где простодушных людей, поверивших им.

Рассказывать о жизни нашей подробно в этом письме я не буду. Верю, что вы сможете сами побывать в Минске, Гомеле, Москве и других местах.

До скорого свидания, дорогие братья. Опищите свои земли от паяской паутины, от паяской агентуры.

СОВЕТСКИЕ ПИСАТЕЛИ НА ОСВОБОЖДЕННОЙ ЗЕМЛЕ

В Москву на короткий срок приехал из Западной Белоруссии поэт С. Кирсанов, находившийся там с момента вступления частей Красной Армии.

В эти дни боев за освобождение Западной Белоруссии, — рассказывает тов. Кирсанов, — советские писатели показали свою готовность к боевой походной работе.

Работа советских писателей на фронтах — большая проверка их политической зрелости и готовности к оперативной литературной работе в боевой обстановке.

В красноармейских частях, а в походах, в боевых делах, в освобожденных городах и селах. Эта близость поможет нам по-новому — вернее и глубже — показать в литературе образ советского командира и бойца.

Сейчас Западная Белоруссия приобретает к советской культуре. Вслед за мощными танками и самолетами к освобожденным братьям идет и национальная культура — библиотека, театр, наука, поэзия.

В Западную Белоруссию совсем не знают советской литературы. Польские «спиндзяры» внушали населению мысль, что у нас ничего, кроме официальных бюллетеней, не издается.

И культурная работа предстоит советским писателям в Западной Белоруссии и Западной Украине. Надо помочь освобожденным народам осознать социалистическую жизнь не только через политическое слово.

Лермонтовская сессия Института мировой литературы

13-14 октября состоялась научная сессия Института мировой литературы им. А. М. Горького, посвященная 125-летию со дня рождения М. Ю. Лермонтова.

Институт, — указал во вступительном слове академик И. К. Лушпов, — поставил перед собой задачу заново пересмотреть традиционный образ поэта, по-новому прочесть его литературное наследие.

Выступивший на сессии В. Я. Кирпичин говорил о политической миссии поэта, о его страстном ожидании и предчувствии наступления народной революции, о том, что в своих мечтах поэт видел себя во главе революции, ее трибуном, героически погибавшим на плахе во имя народного дела.

В 1909 г., — рассказывает С. Дурный, — мне довелось вести беседу о Лермонтове с Л. Н. Толстым. «Его «Бородино», — сказал Толстой, — это зерно моей «Войны и мира»».

Интересно привести еще свидетельство С. Н. Дурнына об отрывках Толстого о прозе Лермонтова.

«На мой вопрос Л. Н. Толстой в 1909 году, какое из произведений русской прозы он признает совершеннейшим, он без малейшего колебания ответил: «Тамань» Лермонтова».

Президиуму Верховного Совета Таджикистана

Писатели Советского Союза с особой радостью приветствуют таджикский народ в десятую годовщину образования союзной Таджикской советской социалистической республики.

Пусть будет творчество их достойно своей прекрасной родине. Пусть крепнет и растет советский Таджикистан под руководством партии Ленина-Сталина!

Всесоюзный конкурс на лучшую пьесу

Совет Народных Комиссаров СССР постановил разрешить Комитету по делам искусств провести в 1940 году всесоюзный конкурс на лучшую пьесу и утвердил положение о конкурсе.

Всего конкурсов будет опубликовано не позднее 15 декабря 1940 года. Конкурс открыт. В нем могут принять участие наряду с писателями все граждане СССР.

Участники армянской декады в Москве

11 октября в Москву приехали артисты Ереванского государственного театра оперы и балета им. Спендиарова, участники декады армянского искусства в Москве.

Участие в заключительном концерте декады. Приехавшие в Москву участники декады армянского искусства приступили к репетициям спектаклей на сцене Большого театра.

Лермонтовская сессия Института мировой литературы

13-14 октября состоялась научная сессия Института мировой литературы им. А. М. Горького, посвященная 125-летию со дня рождения М. Ю. Лермонтова.

Институт, — указал во вступительном слове академик И. К. Лушпов, — поставил перед собой задачу заново пересмотреть традиционный образ поэта, по-новому прочесть его литературное наследие.

Выступивший на сессии В. Я. Кирпичин говорил о политической миссии поэта, о его страстном ожидании и предчувствии наступления народной революции, о том, что в своих мечтах поэт видел себя во главе революции, ее трибуном, героически погибавшим на плахе во имя народного дела.

Интересно привести еще свидетельство С. Н. Дурнына об отрывках Толстого о прозе Лермонтова.

«На мой вопрос Л. Н. Толстой в 1909 году, какое из произведений русской прозы он признает совершеннейшим, он без малейшего колебания ответил: «Тамань» Лермонтова».

В заключение был зачитан доклад проф. Ш. И. Нудубидзе «Лермонтов и Кавказ».

СОВРЕМЕННЫЕ ТАДЖИКСКИЕ ПОЭТЫ

Традиции таджикской поэзии многовековы. Народ, воспитанный на творениях Фердауси, Саади, Омар Хайяма...

Бел он, как горный снег, чище найти нельзя. Наша заря возшла от молодой звезды...

Современный фольклор посвящен социалистическому строительству, колхозному труду, счастливой сталинской жизни...

Как он летит любой росток, душу отдав ему. Все, что он сеет, дает плоды дивной величины...

Дайте списки наших пламенных бойцов. Я героя знаю каждого в лицо. Дайте ружья, дайте новое перо...

Яркий такой, что похож на тень свет молодой луны. Сильна в таджикской поэзии любовная лирика...

Народный певец Саид али Вали-заде сложил сказку о паланинцах. Произведения народных сказителей отличаются композиционной сложностью...

Мимо жизни твоей, о моя газель, я пронесся стрелой, не поспавшей в даль. Рахими видит не только неподвижную красоту природы...

Большие эпические произведения еще не созданы таджикскими поэтами. Живой человек — декланс, — сбросивший оковы ханства...

Нам паранжа, как тяжкий груз была. Я понала. Она лишь горе женщине несла...

Все эти поэты в своих стихах стремятся обобщить наблюдаемое ими явление. Таджикистан неузнаваемо преобразился, басмачи добыты...

О женщине, снявшей паранжу, поют многие таджикские поэты. Уже написаны и пишутся либретто опер и пьесы Дехоти...

Радостью и благодарностью наполнены стихи таджикских поэтов. П. Дехоти пишет: Мирного счастья знак — хлопок густой, друзья!

АЛЕКСАНДР ОЯСЛЕНДЕР.

РАХИМИ ПЕСНЯ РОДИНЫ

Эту песню поет мне моя страна — В легких струнах дутара живет она: «Я нектаром свободы упоена...

Обернется дождем — солнцем стану я, Покрадется лисой — тигром стану я. В висель метнется — стрелой достану я...

Перевод Н. ПОЗНАНСКОЙ.

ДЕХОТИ УДАРНИЦЕ

Ветер! Ветер! Валети поутру с полем. Допетет до любимой, ты смачнее еи: «Приходи! Белый хлопок в полях расцветет...

Чтоб я стал Идгором, а ты Гульнор, Чтобы в дружбе, и в нежности, и в любви Неразлучен с тобой стал я с этих пор...

Перевод Н. ПОЗНАНСКОЙ.

ЛЮБИМАЯ Народная песня

Не слышен запах роз, и соловей Не радует нас песнею своей. Скажи, садовник, почему замолок Завожноголосый в зелени ветвей?

Перевод В. КИРИЛОВА.

МОЛОДОСТЬ Из Рахими

Фиалкового цвета шелк, а не лохмотья — твой наряд. Под кожей персиковых щек два зарева зари горят! Ты — девушка, но ты смела. Учись: учеником нет преграл; жемчуга найдешь он мореплавателю брат...

Перевод А. АДАЛИС.

В Западной Белоруссии. На снимке: крестьяне пригородного села г. Волковыса производят раздел помещичьей земли. Фотокишпе ТАСС.

Иосиф УТКИН НА ФОЛЬВАРКЕ

— Пан вы старый, или паньч: Ехать в гости, глядя на ночь?! Посудите трощки: Шахом — танки, в пуше — пал, Лошадь встала, пан пропал...

ФИЛЬМЫ О ЗАПАДНОЙ УКРАИНЕ

В Западной Украине сейчас работает съемочная группа под руководством режиссера А. П. Довженко, которая снимает историко-документальный фильм «Западная Украина».

«Б р а т ь я»

«17 сентября 1939 г. бойцы Красной Армии вырвали из земли пограничные столбы, стоявшие на бывших рубежах Польши. Мы их вкопаем там, где нам прикажут партия и наше правительство...

Этими словами открывается сборник «Братья», только что выпущенный издательством детской литературы ЦД ВЛКСМ. Сборник рассчитан на детей среднего возраста.

Страна переживала сентябрьские дни. И это пашло живойшей отклик у детей. Советские ребята — любознательный народ. С волнением следили они за великим освободительным походом нашей доблестной Красной Армии...

«Братья», Детиздат ЦК ВЛКСМ. В. В.

Писатель во фронтовой газете

Часть Красной Армии перешла границу бывшей польской Польши, несли с собой и свое верное, острейшее оружие — большинство печатное слово. Молниеносно развернулась сеть красноармейских газет в боевых действиях. Кошачьи типографы шли вместе с передовыми частями.

армии, которой народ устался дорогу цветами и которую шлагбау, офицерская мразь подвала свинцом. Теперь можно сказать, что найдены формы работы писателя в фронтовой газете. Они многогранны. Вот, например, уже на земле Западной Белоруссии выходит первый номер «Беларуской звязды».

«Пане-пане — папер нас катуше, можа калі і сам пагануше». Еще гремит бой, а в типографии уже набирается заголовок передовой: «За мирную, творческую прапу».

Е. МИХАЙЛОВА

ИДЕЯ СВОБОДЫ

Еще Луначарский говорил о Лермонто-
ве как о «последнем и глубоко искреннем
эпох декарбистских настроений». Действи-
тельно, «фаланга героев» 14 декабря
как бы вдохнула в поэзию Лермонтова ту
неукротимую, ненасытную жажду свободы,
которая властно проступает в его стихах
и которая теснее всего связывает его с
всего буржуазными настроениями.

«Вольность», огушевлявшая высокий,
патетический строй стихов Рылея, В. Ф.
Раевского, Кюхельбекера, являлась идеалом
свободы, прежде всего, политической.
Антифеодализм и «самовластия», граж-
данства и тирана, составляла самую серд-
цевину декабристской поэзии. Дифирамбы
в честь «вольности» были своеобразной
декларацией прав человека и гражданина,
утверждением равенства людей пред за-
коном и властью, отрицанием произвола и
василия. Составляя подлинный пафос де-
кабристской поэзии, ее движущий нерв,
идея вольности обрела целой системой
идей — гражданское политик, любви к
отчизне, забвения личного во имя общест-
венного и т. д. и т. п. Это была поэзия
великих целей и великих свершений, пе-
леустрашенная, активная, проникнутая
свободным сознанием долга, поэзия мужей и
спартанцев, истинная плутовка героев.
Промышляла ее роль в формировании
гражданского самосознания русского обще-
ства.

Однако поэзия декабристов отразила не
только сильные, но и слабые стороны
дворянской революционности. Отгораживая
от народа, устроившие призраком рус-
ской жаргетрии, они не могли связать свой
политический идеал с живыми социальны-
ми запросами угнетенных «низов».

Не в жизни масс черпали декабристы
свои аргументы против «тиранов» и свое
обоснование идеала свободы, но в пред-
ставлениях о «естественных правах» чело-
века, в «названных» нормах «общест-
венно-этической морали Оттого-то так сильна
морально-этическая и риторическая струя в
декабристской поэзии, — свободоловные
лозунги и переживания «деспотизма» вы-
звали здесь к добродетелям идеального
гражданина. «Тирани» изображались не
только как носители конкретного соци-
ального зла, сколько как вместилища обще-
ствочеловеческих пороков («К временщи-
ку Рылея»).

Общие понятия (вольность, мужество,
самостоятельность и др.), аллегорические образы
(змеи, тигрицы, палач и т. п.), условно-
исторические персонажи (Брут, Кассий,
Катон) подменили собой изображение со-
временной общественной действительности.
Абстрактность в трактовке общественных
проблем привела к рационализму и схематич-
ности в поэзии. Так, отрыв от реаль-
ной жизни народа художественно обескри-
вал революционную лирику декабристов.

Поверхностному взгляду может пока-
заться, что в Лермонтовском творчестве
напряженность общественной страсти слабее
по сравнению с гражданственным духом
поэзии декабристов: вместо преобладания
непрямых социально-политических тематик у
него широко представлена субъективно-
романтическая лирика, вместо общества
«согражданин» строю вопиющей противности
«избранная личность». Но несмотря на
кажущийся отход от точки зрения обще-
ственного идеала к точке зрения изолиро-
ванного индивидуума, идея свободы полу-
чает у Лермонтова несравненно более глубо-
кое и богатое содержание, чем у декар-
бистов.

Попадываясь, как поэт, на историче-
ском перепутье между двумя эпохами рус-
ского революционного движения, Лермон-
тов не мог сознательно выступать ни от
имени масс, ни тем более с позиций инди-
видуала, доступного взору поэта. Героизи-
рованный облик «согражданин-тиранов»
был безразлично разведен последние
декабристской действительности, а творче-
ский образ народа-исполнителя еще не соз-
дан. Эпоха разрыва декабризма вызвала
мотивы одиночества в поэзии Лермонтова

и обратила его к внутреннему миру лич-
ности, миру недоступных толе идеалов.
Но та же обстановка реакция беспощадно
обнажила все ступени многосторонней по-
раженности человека в существующем
строе и с необычайной яркостью накали-
ла противоречие между передовыми стре-
млениями «я» и гнетом всего уклада
жизни.

Потому личность, от имени которой
поднимает Лермонтов свою бесстрашную
трагически-неравную войну против ценого
света, это — живой исторический чело-
век, ощущающий на себе все тяжкое
давление реальных общественных оков.

И Лермонтов ополчается против всех
установлений, стесняющих свободу, огра-
ничивающих полноту человеческого
существования.

Если гражданские идеалы декабризма
(равенство всех пред законом, независи-
мость от произвола «деспота») были тре-
буемыми буржуазной свободой, равной для
всех и потому отвлеченной от конкрет-
ной социальной условий жизни каждого,
то Лермонтовский идеал личной свободы
заключал в себе целый мир реальных со-
циальных требований, интересов, проблем.
Гражданские идеалы декабризма предочи-
щали атомичность индивидуального
сознания и склывающегося буржуазном
обществе. Идеалы индивидуального разви-
тия у Лермонтова предвосхищали сли-
чные стремления личности с интересами
социального целого, с чаяниями народа.

В жизненной конкретности лермонтов-
ского требования свободы личности таится
зарождение дальнейшего развития поэта по
пути приближения к народным массам.
Недаром демократическая идея равенства
существует у него с идеалом свободы
с первых творческих шагов, — в «Испани-
ях», «Боярине Оршак», поэме — в «Пе-
не про купца Калашникова», «Бяганье
Литовской». Лермонтов, протестующий
против привилегий рода, Лермонтов, избро-
сивший своим героем безродного Фернандо,
«изброжденного» раба Арсения, разно-
чица с узаконенным социальным самооб-
лагоден — Красинского, — этот Лермонтов
должен был прийти к утверждению своей
глубочайшей, кровной связи с народной,
крестьянской Россией («Родина»).

Идеал свободы был для Лермонтова не
только программно-политическим и обще-
ственным требованием, но и всеобъемлю-
щим личным идеалом, необходимым, как
воздух, условием полноты развития лич-
ности. Поэтому волюнтаристские мотивы
развита потом не только в стихотворе-
ниях с общественно-политической темати-
кой, но и в «интимной», романтической
лирике. Поэтому лермонтовское свободоло-
бие раскрывается «внутри» как субъек-
тивная жажда свободы, как живое, горя-
чее индивидуально-лирическое пережива-
ние.

Для Лермонтова не были ясны ни кон-
кретные очертания его идеала свободы, ни
пути борьбы за него. В неясные симво-
лически-романтические образы, в оживающие
образы природы, в тончайше разработан-
ную, неосознающую волюнтаристскую музы-
ку стиха вкладает он свою неутомимую мятель-
ность, свои «обманчивые сны». Пронели-
вавшая тень степной птицы, безаботная
игра волн, грозный, упорный матеж
отдыха в природе — вершина романтичес-
ких образов выражает сложную, богатую
оттенками гамму порывов к свободе, созда-
ет эволюционную призывность поэзии
Лермонтова.

Страстная, стремительная сила «бо-
релья» и обаяние пейзажной мечты слиты
внеизменно в Лермонтовском свободолобии.
Ничего расслабляющего, бездельственного
нет в Лермонтовской мечте о свободе.
Непримиримость отрицания сочетается в
ней с восторгом, жаждой любовью к «пре-
красной земле» («Мцыри») и с жаждою
превратить стремление в действительность.
Отно из совершеннейших творений Лермон-
това, его поэма «Мцыри», в грозной
энергии стиха, в сосредоточенной пламени-
стой силе образов неразрывно сливается
жажда свободы, восторг борьбы, мощное жиз-
неутверждение.

В. КИРПОТИН

ЛОЖНАЯ ЛЕГЕНДА

В обширной литературе о Лермонто-
ве неоднократно высказывалось мнение, что
поэт под конец своей жизни стал скло-
няться на сторону зарождавшегося славяно-
фильства. Мнение это вызвало не
раз и в наши советские времена. Однако
внимательное рассмотрение фактов опровер-
гает эту гипотезу, зарождающуюся на
желании вырвать Лермонтова из основного
полюса освободительного движения в Рос-
сии.

Лермонтов в самом деле много задумы-
вался о судьбах России, о ее взаимоотно-
шениях с Западом, он вплотную зани-
мался вопросами, на которые несколько
поэтов давали свой славянофильский
Ответ. Остаток «Умиравший гладиатор»
имеет в рукописи следующие две зачер-
кнутые строфы:

Не так ли ты, о европейский мир,
Когда-то пламенных мечтателей кумир,
К могиле клонился бесславной головой,
Измученный в борьбе сомнений и

страстей,
Без веры, без надежд, — игралше
детей,
Осмеянный ликующей толпой!
И пред кончиной ты взоры обратил,
С глубоким вздохом сожаленья,

На юность светлую, исполненную сил,
Которую давлю для азы просвещенья.
Для гордой роскоши бесечно ты забавл,
Стараясь заглушить последние

страдания,
Ты жадно слушаешь и песни старинны,
И рыцарских времен волшебные —
Насмешливых льстецов несобитные сны.

Считается, что мысли эти были подса-
даны Лермонтову славянофилами, и, в ча-
стности, Самариним.

Однако взгляды, выраженные в этих
вычеркнутых строфах, были обычны для
Лермонтова, и объяснение их не нуждается
в ссылке на славянофилов и Самарина.
Лермонтов тяжело переносил разочарова-
ние, безверие, бездельствие и считал их
в себе и в других недостатком. Он любил
благородного героя, но в то же время
относился к нему критически. Поэт счи-

тал причиной байронизма отрицательные
явления европейской цивилизации. Поло-
жительные, оптимистические ноты при-
 оценке европейской жизни мы встречаем
у него только во время революции 1830
года. К просвещению и знанию, от кото-
рых Лермонтов не находил прямого вы-
хода к действию, он часто относился скеп-
тически.

В «Измаил-бее», написанном в 1832 году,
т. е. задолго до «Умиравшего гладиатора»
и до «Думы», Лермонтов уже рисовал
условием целой натурой горня европей-
ского просвещения как несчастие.

В современном ему «спросеченном» об-
ществе поэт наблюдал не уважение к до-
стоинству человека, не положительные
гражданские чувства, а лицемерное при-
крашивание старых варварских нравов:

Но с успехом просвещенья,
Вместо грубой старины,
Введены изобретения
Чужеземной старины.

В наше время колят, холют,
Берегут оспинную честь...
Прежде были, ничне — холют,
— Что же выгодей? — бог вест!

Это отношение Лермонтова к просвеще-
нию восходит к идеальной кризису, пере-
житому поэтом в 1832 году, когда докт-
рина славянофилов еще не существовала.
Кроме того, в представлении о драхо-
сти европейской культуры еще нет ни-
чего специфически славянофильского.
Оно могло быть заимствовано отчасти у Бай-
рона. Чернышевский в позднейшей поле-
мике со славянофилами доказал, что мы-
сли о загнивании европейской культуры
не были изобретены русскими национали-
стами, а заимствованы у западных же
писателей. Предположение о гонимой запад-
ной культуры было одним из проявлений
отрицательного отношения к Европе во-
обще и к Франции в особенности и про-
диктовано самыми различными причина-
ми. Негодование на полереволуционную
и посленаполеоновскую Францию у Лер-
монтова выразилось особенно сильно в

«Вид на гору Бештау и часть города Ягтыгорка». Рисунок М. Ю. Лермонтова.

Два соприкосновения

С. ГОЛУБОВ

В 1908 г. учителем латинского языка
в первой казанской гимназии был Петр
Николаевич Ч. — человек курчавый, ры-
жий и страдательный сильнейшим нервным
типом. Лично Петра Николаевича беспре-
стужно с'езжало то на правую, то на ле-
вую сторону. Гимназисты звали его Мор-
галой.

— Эй, Стяжик Василий! Поидите сю-
да — к кафедре. Сюда, сюда, ближе...
так. Читайте с этой строки.

Стяжиким красен от натури.
— Ave, caesar, morituri te salutant...
— Переводите, Стяжик Василий...
— Здравствуй, цезари! Умирающие
тебя поздравляют.

— Жож! Но умирающие, а те, кото-
рым предстоит умереть. И не поздравляю
а приветствуют. По-нашему так: Здра-
вствуй, цезари! Обреченные на смерть тебя
приветствуют! Вот! Садитесь...

— Скажите, Петр Николаевич? — роб-
ко осведомился бойкотый Стяжик.
— Моргала смотрел унывающе. Рот его
пригнал возле уха.

— Неверде! — двояка! Вот! Садитесь,
Стяжиким Василий...

Моря Петр Николаевич считал будущим
историком. Мне хотелось то же. Следо-
вательно, латынь была необходима. На
этом мы мирились. Отажили мы вместе
вышли из гимназии. Добрались до Черного
Озера. Сели на скамейку.

— Вот, — сказал Моргала, — вот вы —
будущий историк. ...И вам расскажу
тоже. Это было лет семьдесят назад. На
Кавказе, в Ставрополе. Представьте себе
ночь, — осеннюю ночь, черную, как...
Ну, вообще, черную. Через Ставрополь
прежежал Николай I, император. Конечно,
— иллюминация... Плочки чалят...
Народ — толпились... Словом, — так. А в
гостинице — молодые люди. Замечательные
молодые люди... Вот, ваш Стяжик
Василий — неведжа. А эти, наоборот, —
очень знанием были молодые люди.

Один — Лермонтов, поэт... Ага! Что, —
интересно? Вот! Другой — тоже поэт...
Из декабристов... Одоевский Александр...
Оба — между двумя сылками... И еще
одного будущего поэт, молодой человек, Сатири
Николай. Были друзья, — просвещенные,
честные, смежные...

Голос Моргалы дрожал. рта совсем не
было видно, — уходил за ухо.

Да... Я знал Сатина... Он мне и
рассказывал это... Стариком... Очень болел
был. И рассказывал, Вот, — сидели они...
Разговаривали. Пили вино. Было, о чем
поговорить, — а? И за что выжить, —
тоже было. И выжить и умереть... Ну,
хорошо... Так!

Он заумчал. На Черном Озере прычали
грачи. Булынье стал воробей копошиться
в жаркой весенней земле. Далеко гремя-
хал трамвай. Разволнованный Моргала
медленно набирал спокойствие духа.
— Вот... Вдруг декабрист Одоевский

была изумительно натренирована плю-
скамперфектам.

В 1915 г., будучи студентом, я часто
доседал в Москве семейство М. Ольга Ни-
колаевна М. была тонким, хрупким, чи-
стеньким существом, с длинным желтым
личиком и необыкновенно белыми, седыми
волосами. Она много и интересно расска-
зывала. Любита рассказывать.

Молоденькой девушкой Ольга Никола-
евна была знакома с Писемским, Гончаро-
вым, Львом Толстым. Встречала и еще
много интересных лиц. Среди них был
Мартынов — убийца Лермонтова.

Серебряная ложка звенит в стакане с
чаем. У самого пересечения с поверхностью
коричневой жидкости ложка кажется сло-
манной пополам. А ведь она прямая!
Аберрация...

— Уж не знаю, как это зовется по
науке, — тихонько говорит Ольга Нико-
лаевна, — только и с людьми то же бы-
вает. Или — наоборот: иной раз будто
прямо человек, а на самом деле жизнью
совершенно непопад шагом. Давеча толко-
вали мы с вами о Николае Соломоновиче
Мартынове. Таков и он был...

Затем шел самый рассказ.

— Когда я знавала Мартынова, было
ему немногим больше пятидесяти, — до
старости далеко. С виду здоров и красив
был очень. А... глгловат. С осторож-
ностью относился к здоровью и любил о
нем говорить. Страшно был религиозен и
суверен. Мелочи всякие примечал с охо-
той. Даже как-то чересчур...

Говоря это, Ольга Николаевна одергива-
ла на чайнике тропичного петуха.

— Умерла у Мартыновых дочь, девоч-
ка. Все горевали. А Николай Соломонович
больше всех. Плакал и бог молится, —
у нас, у Покрова в Левшине. В одну из
печальных этих годовщин пришла я к
ним. Эту ночь в доме. Тихо. Как бы
объяснить вам? Ну вот вероятно, в пустом
театре так бывает, после представления,
когда уже и купцы спят. Вдруг бежит
к вам, молодой, старшая. — «Обидно,
спасите! Папа сопел а ум!» Мы затрепе-
тали. Как? Что? Оказалось вот что.
Заглянула она к нему в кабинет. И видит:
Николай Соломонович в одной рубке
портрет покойной дочери держит, а другую
сжал в кулак и грохотает. В кабинете
же — ни души. И кричит: «Гы... Все
ты... За тебя уплатит дочь... Знаю,
знаю... Уж коли убил, — молчи... Врз
был, им и остался!» И ушел в крило.
Карточку пулет. Плачет. Тут я крикну-
ла: — Да ведь это Николай Соломонович
Лермонтову грозится! Ах! — Обнялись
мы и зарыдали. Да как! Впрочем, больше
от страха. Дня через два был у Марты-
нових любительский спектакль. И все де-
лыви играли...

— А вы, Ольга Николаевна?

— Нет я, помнитса, не пожелаю.

«В 1837 году, во время служения свое-
го в Нижегородском драгунском полку,
он (Лермонтов) находился в Ставрополе,
перед проездом туда государя Николая
Павловича; ежегодно навещая в это
время отца моего, бывшего тогда начальником
штаба, он совершенно рождаемо старался
разделить гостю его по окончании жены,
приходившейся Лермонтову двоюродной
теткой». (А. Петров, «Русский архив»,
1867 г.).

А если так, — прав был Петр Никола-
евич Ч. Да, и в самом деле, память у него

у славянофилов были совершенно различ-
ными. У славянофилов оно служило обосно-
ванием националистического консерватизма,
у Лермонтова оно было результатом
опоздания к обществу, неудовлетворенности
отвлечения к общественной действительности
и радикальным преобразованиям.

Точно так же не является специфически
славянофильской вера в великое будущее
России, всегда одушевлявшая Лермонтова.
В «Измаил-бее» поэт писал о России, как
о новом Риме, т. е. новой владычезде все-
ленной.

Аналогичные ноты настойчиво звучали
в стихах Николая Полевого лучшей поры
его деятельности.

Однако между Лермонтовым и Поле-
вым — также и славянофилами — и здесь
есть важное принципиальное различие.
Военное могущество России, созданное
буржуазными успехами царизма, будет
куплено дорогой ценой, — долавзал
поэт, — акреллением гражданского бес-
страшия, политического рабства. Лермонтов
просто-напросто разбирается в том, что
Николай I стремился успешными водами
укрепить свое внутреннее положение.

В отличие от славянофилов, скептиче-
ское отношение к Западной Европе и
вера в гражданскую историческую роль
России не ослабили Лермонтова, не ли-
шали его критической силы по отношению
к печальному настоящему. Лермонтов
не оставал своего недовольства, он не пе-
рестав критиковать окружающую его рус-
скую действительность. Над официальны-
ми восторгам Кукушкина он просто
издевался. В «Измаил-бее» вслед за стро-
фой, воспевающей Россию как новый Рим,
следует ничем не прикрашенное описание
грабительского поведения царских войск
на Кавказе.

Своеобразные Лермонтову мысли о ве-
личии России нашли себе своеобразное
лирическое выражение в стихотворении
«Родина»:

Люблю отчизну я, но странною любовью!
Не победит ее рассудок мой.

Ни слава, купленная кровью,
Ни полный горло доверья покой,

Ни темной старины заветные преданья.

Не шевелю по мне отрадного мечты.

В этих шести строках Лермонтов отвер-
гает не только официальный патриотизм

славянофилов, но и реакционно-романти-
ческий идеал «теминой старины». В даль-
нейшем стихотворение звучит любовь по
родине человека, проникнутого демократи-
ческими чувствами.

«Родина» противопоставит не только
славянофильской доктрине. Она заметно
отличается и от аристократического фрон-
дерства членов «кружка шестнадцати»,
участником которого был Лермонтов.
Вполне естествен и понятен восторг Белин-
ского и Добролюбова, вызванный этой
вестью.

В органе славянофилов, журнале «Моск-
витиня» Лермонтов напечатал свое сти-
хотворение «Опор». Оно было доставлено
Погодину (редактору и издателю «Моск-
витиня») Ю. Ф. Самариним. В факте это
видеть одно из убедительнейших доказа-
тельств сближения Лермонтова с моск-
витинскими славянофилами. Между тем в сопро-
водительном письме Самарина сказано:
«Послав вам приношение Лермонтова в
ваш журнал. Он простит его напечатать
прямо, без великих примечаний от издате-
ля, с надписью его имени. Рядусье ду-
шевны и за него, и за нас, и за всех чи-
тателей «Москвитиня». Следовательно,
Лермонтов не хотел, чтобы начало его со-
трудничества в «Москвитиня» соприво-
ждалось каким-либо объясняющим его
использованием от редакции, что ему
был придан демонстративный характер.

Из совокупности известных нам фактов
о встречах и беседах Лермонтова с Сама-
риним можно вывести одно заключение:
славянофильство было чрезвычайно заинтере-
совано в Лермонтове. Они склоняли его
на одну сторону, они вербовали его, но
они и сами не считали свои усилия успе-
шными, и в конце концов Лермонтов по-
манился успехом. После своего рома-
на «Герой нашего времени», — писал Са-
марин Гагарину 3 августа 1841 года, —
он (Лермонтов) охотился в долгу перед
современниками... теперь у очень многих
он оставляет за собой тяжелое и неутеш-
ительное впечатление... Очень мало людей
поняли, что его роман указывал на пере-
ходную эпоху в его творчестве, и для этих
людей дальнейшее направление его твор-
чества представляло вопрос высшего ин-
тереса. Из формулировки письма видно,
что характер и направление дальнейшего
творчества великого писателя не были ясны
славянофилам, — они представляли
для них «вопрос высшего интереса». Лер-
монтов был вскоре убит Мартыновым,
Самарин так и не смог удовлетворить своего

любопытства. Отношение его к оставлен-
ному поэтом литературному наследию не
вызывает никаких сомнений — оно было
отрицательным, ибо творчество Лермонто-
ва резко противоречило славянофильскому
катехизису. Лермонтов причинил своим
творчеством вред, считал Самарин, он в
долгу перед современниками. Особенно
резко выражена эта мысль в дневника
Самарина, в фразах, которые он след
нужным вычеркнул: «(Он (Лермонтов)
умер в ту минуту, как друзья нетерпе-
ливо от него ожидали нового произведе-
ния, которого он расслышется, бы с Рос-
сией... На нем лежит великий долг...
его роман «Герой нашего времени». Его
наделено выпукнуть, и Лермонтов, ступив
вперед, оторвавшись от эгоистиче-
ской рефлексии, оправдал бы его и успо-
коил многих. (Теперь его не может
оправдать никто). (Приведено в статье
Э. Герштейн «Лермонтов и кружок шес-
тинадцати» — Лермонтовский сборник Ин-
ститута Горького).

Славянофилам было выгодно изображать,
что в будущем поэт перешел бы на их
сторону. На самом же деле они прекрасно
сознавали, что все написанное Лермон-
товым писком противоречило их взглядам.
Они не находили для творчества поэта
никакого оправдания.

Лермонтов принадлежит другому, неиз-
меримо более важному и плодотворному
направлению русской общественности — де-
мократическому и революционному. Твор-
чество Лермонтова вливается в главное
русло русской культуры XIX века, харак-
теризуемое именами Герцена, Белинского,
Чернышевского и Добролюбова. В отличие
от славянофилов, считавших труд поэта
грехом, подлежащим искуплению, они
видели во всем, написанном Лермонтовым,
отражение своих исканий и могуществен-
ную поддержку своему делу.

Для целого поколения русских людей
произведения Лермонтова звучали, «как
колокол на башне венецвой во дни тор-
жеств и бед народных». Лермонтов — со-
единительное звено между декабристами
и демократической русской культурой,
сформировавшейся в тридцатых и сорока-
вых годах.

Литературная газета

№ 57

—

3

А. Н. МАЙКОВ

НА СМЕРТЬ ЛЕРМОНТОВА

Неопубликованное
стихотворение

И он угас! и он в земле сырой!
Давно ль его приветствовали пески?
Давно ль в его заре, в ее восходном
блеске

Провидели мы полдень золотой?
Ему внимали мы в тиши, благоговей,
Благословение в нем свыше разумея, —
И он угас, и он утих,

Как недосказанный великий, дивный
стих!

И нет его!.. Но если умирать
Так рано, на заре, поманники бога, —
Так там, у горного порога,

В соседстве звезд, где дух, забывши
прах,
Свободно реет ввысь, и цепенеют
взоры

На этих девственных снегах,
На этих облаках, обнявших сини горы,
Где волен близ небес, над бездною
зыбей

Лишь царственный орел да вихорь
беспокойный, —
Для жертвы избранной нам жертвен-
ник достойный.

Для гения — достойный мавзолей!

Смерть Лермонтова поразила всех своей
неожиданностью. Но газеты и журналы
скупились были в откликах на кончину
молодого поэта. Парская цензура по при-
казу шефа жандармов Бенкендорфа приглушила
печатные проявления общественного со-
чувствия убитому «наследнику Пушкина».
А. А. Бравский, редактор «Отчественных
записок», где печатались произведения
Лермонтова, не мог поместить ни одного
из присланных в редакцию стихотворений
памяти поэта. Голос любви, скорби о по-
гибшем и негодования по адресу убийц
не были услышаны по воле III отделения.

Пока извещая из архивов эти важные
свидетельства современников Лермонтова,
документирующие признание поэта в раз-
нообразных читательских кругах, оценку
его тем массовым читателем, выразителем
и руководителем которого был Белинский.
Одни из стихотворных откликов на смерть
Лермонтова, принадлежавший Аполлону
Майкову — поэту, чьи произведения пе-
чатались одновременно с автором «Думы»
в «Отчественных записках», оставался
до сих пор неизвестным. Его автор, как
только получил известие о кончине поэта,
писал А. А. Бравскому: «Не желание па-
ти предмет для песни своей музы, а истин-
ное чувство заставило написать несколько
строк в память таланту, который, к сожа-
лению, так рано сошел с литературного
поприща».

Автограф стихотворения А. Н. Майкова
хранится в рукописном отделе Пушкин-
ского дома.

Н. БРОДСКИЙ

«ЛЕРМОНТОВ НА КАВКАЗЕ»

К Лермонтовским дням тоскливо влады-
честву «Зари Востока» выпустило работу
И. К. Ениколопова «Лермонтов на
Кавказе». Работа посвящена пребыванию
великого русского поэта на Кавказе и
1837—41 гг.

Книга снабжена иллюстрациями с зарис-
овок того времени. Некоторые из них
появляются в печати впервые.

В приложениях к книге даются воспоми-
нания современников о пребывании Лер-
монтова на Кавказе.

«КРУЖОК ШЕСТНАДЦАТИ»

НАСТОЯЩИЙ ЛЕРМОНТОВ

В литературе имеется только два прямых источника, дающих сведения о «кружке шестнадцати», участником которого был Лермонтов. Первый — это упоминание бывшего участника кружка И. С. Браничкина в книге «Les nationalités slaves» (Paris 1879) о существовании в 1839 г. в Петербурге общества шестнадцати молодых людей. Они собирались ежедневно, болтали обо всем и все обсуждали так, как будто бы III отделение собственной его императорского величества канцелярии вовсе не существовало». В числе участников кружка Браничкин назвал Лермонтова, кн. И. С. Гагарина, П. А. Валуева, Монтгомери, бар. Д. П. Фредерикса, Н. А. Жерве, гр. А. П. Шувалова и других бывших казавских офицеров и окружающих петербургский университет молодых людей из аристократических семейств. Второе упоминание — письмо Ю. Самарина к И. С. Гагарину от 19 июля 1840 г. Описывая свою встречу с Лермонтовым в Москве, Самарин сообщил, что «через Москву потянулось все "группа шестнадцати", направляющаяся на юг».

Эти главные замечания Самарина и Браничкина как будто подчеркивают политический характер кружка. Возникает предположение, что «кружок шестнадцати» был в 1840 г. обнаружен правительством и выслан вместе с Лермонтовым на Кавказ. Привлечение новых архивных материалов дало возможность проверить эту гипотезу.

«Кружок шестнадцати» организован в 1839 г. — до этого года в Петербурге не было полного состава «кружка», называвшего себя так по числу его участников. В 1840 г. участники кружка действительно уехали на Кавказ, но не все: Браничкин и Шувалов получили назначения в Барнаульские ад'ютанты Насквичева, Гагарин еще ранее уехал в Париж, Валуев оставался в Петербурге. В то время, когда Лермонтов сидел под арестом за дуэль с Барантом, большинство участников кружка один за другим подают заявления о желании собою перебраться на Кавказ. Характер официальной и частной переписки по поводу их отъезда указывает на то, что отъезд этот был добровольным, задуманным без всякого давления на участников кружка со стороны правящих лиц. Дальнейшая благополучная служебная карьера Жерве, С. Долгорукова, Шувалова и других уехавших участников кружка указывает на то, что «кружок шестнадцати» не был обнаружен III отделением и в целом не подвергался репрессиям.

Тем сильнее значение внутреннего протеста, побуждившего участников кружка покинуть Петербург одновременно с выслаженным Лермонтовым. Отъезд из Петербурга приобретает смысл общественно-политического явления. Оно было отмечено французским путешественником де-Кюстин, посетившим в 1839 г. Россию. В своем памфлете на Николая I и его двор — «La Russie en 1839» Кюстин, по всем данным, имея в виду «кружок шестнадцати», выделяет на общем фоне литературного петербургского общества обособленную группу людей:

«Я видал в России людей, крашеющих при мысли о гнет сурового режима, под которым они принуждены жить, не смея жаловаться... они идут на войну в глубь Кавказа, чтобы там отдохнуть от гнета, тяготящего на них на родине. Эта первоначальная жизнь накладывает предрасположение на их чело печать меланхолии, контрастирующую с их военными привычками и беззаботностью их возраста... эти молодые люди заимствовали у Востока его серьезность, его воображения северных народов — гуманность и мечтательность; они очень несчастны и очень привлекательны...»

Уехавшие на Кавказ участники кружка держались вместе с 1839 по 1841 г. Возможно, что притягательным центром для них был Лермонтов: они направляются вместе с ним в Петербург, когда Лермонтов получил отпуск (туда же приезжают Шувалов и Браничкин из Варшавы) и возвращаются одновременно на Кавказ весной 1841 г. Однако нет данных предполагать, что эта тесная связь была обус-

ловлена какими-нибудь планами активной деятельности. В «кружке шестнадцати» не было программы практических действий, здесь не ставили себе политических целей. Резко отрицательное отношение к социальному и политическому строю николаевской России не находило еще почвы в широком общественном сознании. Это подчеркивал сам Лермонтов в своей беседе с Ю. Самариным весной 1841 г., когда он с горечью заметил: «Хуже всего не то, что известно количество людей терпеливо страдающих, а то, что огромное количество страдает, не сознавая этого».

По неублаженным письмам И. С. Гагарина к двоюроднику П. А. Валуева (1838—39 гг.) выясняется круг интересов участников кружка и картина внутренних взаимоотношений между ними. В кружке не было единства убеждений, не было выдержанной идеологической программы. Общее мнение не успело образоваться в «кружке шестнадцати», по оно вырабатывалось в спорах. Эти споры были своеобразным отражением дискуссионного, вступительного в московских гостиных, разделившихся через несколько лет во высшее русское общество на два лагеря — западнических и славянофильских. Специфическая среда — петербургский «большой свет», с которым участники кружка были органически связаны по своему аристократическому происхождению, мешала им войти в тесное дружеское соприкосновение с участниками московских кружков. Но в «кружке шестнадцати» разрешались те же вопросы, которые волновали Герцена, Грановского, Хомякова, Аскакова, еще не разделенных в эти годы на два враждебных стана.

В спорах о национальном историческом пути России и ее внутреннем переустройстве принимались за действительность мечты самого воображаемого, по выражению Браничкина. По эти «туманность и мечтательность» разбивались, сталкивались с действительностью неподвижной николаевской России. Патриотическое чувство, сильно выраженное в эти годы у Лермонтова, Гагарина и др., отражалось отравляющим к паразиту. Эта раздраженность заставляла перематывать смысл основных понятий об отечестве, о гражданском и патриотическом долге. В 1839 г. мы видим в «кружке шестнадцати» попытку официально понятию о национальности противопоставить национальный язык, песни, нравы, обычаи. Несомненно, атмосфера этих политических споров отразилась на основных произведениях Лермонтова.

Уезжая в 1840 г. в сопровождении «кружка шестнадцати» на Кавказ, Лермонтов сказал: «Прощай, немытая Россия», а вернулся в ту же Россию со словами «Люблю отчизну я, но странною любовью!»

М. Ю. Лермонтов. Рисунок Д. Палена, 1840 г.

Степ участником «кружка шестнадцати» в Петербурге в феврале 1841 г., встречу Лермонтова с Самариным в Москве проездом с Кавказа в Петербург убеждает в том, что стихотворение «Родина», насыщенное полемичностью, представляет собой ответ на политические споры о России, ведущиеся в «кружке шестнадцати» и в Москве с славянофилом Самариным.

Биографические сведения об участниках «кружка» отмечают одну общую для большинства из них черту: они были воспитаны во французских традициях; так, Браничкин писал в своей книге: «С детства я был француз в душе». Шувалова называли «полугранцузом» благодаря воспитанию, полученному им в Англии и Франции. Гагарин «душно говорил по-русски». Это позволяет думать, что Лермонтов в «Родине» противопоставляет свое патристическое чувство не только официальному патриотизму, но также культу старину, исходящему от славянофилов, но в аристократическом «кружке шестнадцати».

Последнее пребывание Лермонтова в Петербурге отмечено возникновением новых творческих замыслов. Лермонтов хлопотает об отъезде и настойчиво говорит о желании издавать свой журнал. Это стремление могло быть ему внушено только идейными соображениями, так как Лермонтов не был профессиональным литератором. Он не мог принять целиком направление «Отечественных записок» Кравецкого из-за ориентации этого журнала преимущественно на западноевропейскую культуру, однако и «Москвитинши», начавший выходить в 1841 г., не удовлетворял Лермонтова. Лермонтов искал самостоятельных путей для осуществления своих новых общественно-литературных проектов. В этих замыслах Лермонтов был уже далеk от амфиранцузского аристократического «кружка шестнадцати».

«Кружок шестнадцати» был значителен силой отрицания, но в поевках положительной деятельности уделом «кружка» оставалось только беспечное метание и чувство обреченности. Так, Браничкин в 1841 г. в Петербурге был поставлен в необходимость решительного выбора между участием в польском заговоре против царизма и защитой чести мундир лейб-гвардии гусарского полка, который он носил: на какой-то схожие полки сорвали с него эполеты, обвиняя в сочувствии русскому царизму. Добровольный перевод на Кавказ был единственным ответом Браничкина на это глубоко принципиальное столкновение. Участвуя в казавской экспедиции вместе с Жерве, Браничкин отмечал, что у Жерве такой вид, «как будто он ласт себя убитым в первом же деле». Это предсказание Браничкина оправдалось — Жерве умер от раны за несколько дней до убийства Лермонтова. О повелении Фредерикса в схватках с горцами в той же экспедиции 1841 г. очевидцы замечали, что «этот офицер нарочно ищет смерти». (Он был убит в 1844 г.). Другой член «кружка», А. Долгорукий, был убит на дуэли в 1842 г. Тяжелые условия дуэли, при которых он неминуемо должен был погибнуть, были выбраны им самим.

Гагарин вступил в 1843 г. во Францию в орден иезуитов, чем похоронил себя навсегда для России. Эмигрировавший впоследствии из России Браничкин примкнул к правому консервативному крылу польского национального движения.

Члены «кружка» Шувалов, Столыпин, С. Долгорукий уехали за границу и в первые годы своего возвращения в Россию ничем себя не проявили на общественно-политическом поприще. Валуев пошел по линии восходящей бюрократической карьеры. Все это указывает на то, что в «кружке» не было единого идеологического направления. Это было содружество молодых людей, об'единенных общим оппозиционно-политическим настроением, по разным по своим убеждениям. Они об'единились в 1839—40 гг. вокруг Лермонтова, но уже в 1841 г. Лермонтов в своем творчестве и несуществующих литературно-общественных замыслах отличался от этого петербургского аристократического кружка.

Из всех русских поэтов 1830-х годов ближе всего к Лермонтову по своей лирической теме был Баратынский, по встретившись с Лермонтовым в 1839 году, он писал о нем своей жене: «Познакомился с Лермонтовым, который прочел новую, прекрасную пьесу; человек, без сомнения, с большим талантом, но мне морально не понравился. Что-то нерадушное...»

«Что-то нерадушное», холодное, намеренное выделено в Лермонтове большинством тех его сверстников — студентов, юнкеров, офицеров, литераторов, светских людей, которые оставили о нем свои заметки в записках и письмах.

Мне довелось недолго знать, в глубокой старости, Варвару Дмитриевну Арнольд (урожденную Спербеу); она была замужем за Львом Ивановичем Арнольдом, знакомым Гоголя. Когда я при первой же встрече с В. Д. Арнольдичею восторженной зависти воскликнул: «Сколько, наверное, Лев Иванович рассказывал вам про Лермонтова!», — старушка, только что оживленно рассказывавшая мне про Гоголя, суховатым ответила:

«А что про него рассказывать? Он писал прекрасные стихи, но характеру был неприятного».

Впоследствии она немало рассказала мне, со слов своего мужа, про Лермонтова, но без всякого сочувствия к его личности.

Меня поразила тогда устойчивость этого неблагоприятного впечатления, сложившегося в дворянских кругах Москвы и Петербурга, оно было едва ли не всеобщим.

Это неблагоприятное впечатление, которое произволил Лермонтов на большинство его современников, не было секретом от него самого. Еще в ранней юности он записал:

Я холоден и горд, и даже злым
Толпе кажуся...

В чем разгадка этого неблагоприятного впечатления?

Какое же можно найти в истории отечественной литературы и великого. Впервые они встретились летом 1837 года в Петербурге, у Сатпины, друга Герцена. (На серьезные мнения Великого о Лермонтов) начал отвечать разными шутками; это явно сердило Великого, который начал горчить; горячность же Великого более и более возбуждала юмор Лермонтова, который хохотал от души и сыпал разными шутками). Насмешки и смех Лермонтова произвели на Великого тягостное впечатление.

Но не прошло и трех лет, как посетил Лермонтова на гауптвахту, куда он был посажен после дуэли с Барантом, одной из причин которой был пренебрежительный отзыв этого французского Пушкине, тот же Великий с восторгом признавал Панаяну: «Ну, батюшка, в первый раз я видел этого человека настоящим человеком!». Первые минуты мне было тяжело, по потом у нас завязался как-то разговор об английской литературе... Я смотрел на него — и не верил ли глазам, ни умам своим. Лицо его приняло естественное выражение, он был в эту минуту самим собой... В словах его было столько истинной глубины и простоты! Я в первый раз видел настоящего Лермонтова, каким я всегда желал его видеть... Сколько эстетического чужья в этом человеке! Какая нежная и тонкая поэтическая душа в нем!...

В этом драгоне рассказе Великого, при всей своей краткости стоящим несравненно больше, чем десятки страниц воспоминаний светских и военных знакомых Лермонтова, самое драгоценное — утверждение, что Лермонтов в час беседы с великим критиком «был самим собой», что это был «настоящий Лермонтов». Эти определения Великого тем более ценны, что два с половиной года назад он имел случай видеть у Сатпины не настоящего Лермонтова: остроного пародоксалиста, нарочитого перемешива-

С. ДУРЫЛИН

Из поэмы «Песнь», «Джалови», «Ангел смерти», «Дуд Востундья», «Намаид бой», «Борниш Орша» и др., манускрипты драм «Испанцы», «Люди и страсти» и других, листки с тремястами стихотворений — все это извлечено из архива Ивана Лермонтова из его мусорок, корзины и папелачно вопреки творческой воле поэта. Сам Лермонтов из всего, что он написал до 1836 года, начепах только «Ангела». Вот что рассказывает близкий друг и родственник Лермонтова А. П. Шан-Гирей. Перед последним (1841) отъездом Лермонтова на Кавказ «мы с ним сделали подробный просмотр всех бумаг, выбрали несколько, как начепахных уже, так и еще не изданных, и составили список. «Колпа, бог ласт, веруешь», — говорил он, — может быть, еще что-нибудь прибавится сюда, и мы хорошенько разберемся и посмотрим, что надо будет поместить в томик и что выбросить». Бумаги эти я оставил у себя, остальные же, как неуживший храм, мы бросили в ящик». Эти ранние поэмы и стихи Лермонтова, утверждает Шан-Гирей, «никогда автором их не назывались в печати, а сохранились от авто да фе служачной».

Позора мысли и чувства. Открытие «настоящего Лермонтова» было так радостно для Великого, что он писал в Москву, к В. П. Боткину: «Недавно был я у него в заточении и в первый раз поразговорился с ним от души. Глубокий и могучий дух! Как он верно смотрит на искусство, какой глубокий и чисто непосредственный вкус изящной! О, это будет русский поэт с Ивана Великого! Чудная натура!»

Счастье знать «настоящего Лермонтова», доставшееся Великому, выпало на долю лишь немногим.

Лермонтов вынужден был, роковым волею жизни и горьким влечением опыта, исполнить тютецкий завет:

Молчи, скрывайся и там
И чувства и мечты свои...

Когда Лермонтов, с первыми стихами, перешагнул порог грибоводской Москвы, Фомуос постал только на девять лет, Молчачину лишь немного перевалило за тридцать, — как было поэту не «стыдиться» от их вниманья те «чувства», которые по-казали ему «Последнее сына вольности». Когда из грибоводской Москвы судьба забросила его в военную школу Николаевского Петербурга, от одного из друзей, звавшего «настоящего Лермонтова», он услышал колыбель: «Если вы продолжате писать, не делайте этого няжно, а в школе и ничего не показывайте вашим товарищам, потому что иногда самая невинная вещь причинит нам гибель».

Лермонтов исполнил этот завет: в казенном Петербурге, с его правилами Скалабузиных всех чинов, хорошо знала Лермонтова — блестящего гвардейца, отличного кавалериста, Лермонтова — «Машку», автора не совсем скромных стихов и веселых прозаик, но того «настоящего Лермонтова», глубинной мысли и сердечной простотой которого восхищался Великий, не знал никто.

«Настоящего Лермонтова» узнали, когда оказалось, что пламенные стихи, горько оплакивавшие гибель Пушкина и грозно обличавшие его высокопоставленных убийц, принадлежат «скорному лейб-гвардии гусарского полка Лермонтову». «Я излял горечь сердечную на бумагу» — так сам Лермонтов в официальном показании пишет о своих стихах. Но Лермонтов не только написал эти стихи, звучавшие приговором над правящей верхушкой России, — он сам распространял их.

Лермонтов добивался стихами, на которые мог ожидать и получил только один отзыв: смелку на Кавказ. Но зато — один с враждою, другие с глубоким сочувствием — узнали «настоящего Лермонтова».

Лермонтов как поэт вышел из своего творческого уединения тогда, когда этого потребовал долг гражданства: его политическое выступление было его первым выступлением как поэта *.

До этого момента Лермонтов ото всех оберегал тайну своей творческой жизни, никого не впускал в свою мастерскую. Все, что он там творил, он рассматривал только как первоначальные опыты, как несовершенные модели художественных созданий. В истории русской литературы нет другого поэта, который с большей строгостью относился бы к своему творчеству, чем Лермонтов. В то время как большинство поэтов, его сверстников и преемственных, начинало печататься с пятнадцати-шестнадцатилетнего возраста, Лермонтов упорно «скрывал» и «стал» себя как поэта: он с удивительной остротой и вполне строгостью воспитывал в себе замыслительного художника.

* Поэма «Халжи-Абрек» была помещена в 1835 году в «Библиотеке для чтения» без согласия и без ведома Лермонтова, который остался чрезвычайно недоволен ее напечатанием.

Первым произведением Лермонтова, начепахным им самим, было «Бородино», («Современник», 1837, кн. 2). Лермонтов дебютировал произведением высокой художественной зрелости, реалистическим произведением, в котором Лев Толстой видел зерно своей народной эпопеи «Война и мир». За «Бородино» последовала «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова», — песня, которая кажется рожденной в том же веке, в каком происходит повествование в ней событие: столько в ней народной силы и суровой исторической правды. За «Песней» последовала «Казначейша», этот сатирический очерк уездного захламления, в котором Лермонтов как бы является пером с Гоголем. След за «Казначейшей» прозвучали «Дума» и «Поэт», в которых Лермонтов бросает тяжкие обвинения своему поколению и обществу, бичуя их «со строгостью судьбы и гражданина». И следом за этими скорбными и гневными стихами появилась «Бала» — первая повесть из романа «Герой нашего времени», который Гоголь признавал «вершинной русской реалистической прозой».

Таков был тот поэтический мир, куда вводил читателя сам Лермонтов, — мир суровой правды, горячей любви к родному народу и не менее горячей ненависти к врагам его счастья и свободы.

«Настоящий Лермонтов» оказался, как человек и писатель, кровно близок к лучшим людям его времени, близок к Великому, Герцену, Огареву и потому непоколебим, далек и неирригиваем, кто не мог подняться до лучших чувств и высших идей своей эпохи.

Незадолго до смерти он написал в альбом близкому себе человеку — В. Ф. Одолевскому:

«У России нет прошедшего: она вся в настоящем и будущем».

Видя тяжелое настоящее русского народа — крестную неволю и горькую солдатчину, Лермонтов горячо верил в светлое будущее народа.

Жизнь, а с ней и поэзия Лермонтова обрвана была в самом начале. Лермонтов умер 26 лет. Умереть в двадцать шесть лет — это значит быть Грибоевым без «Горя от ума», быть Толстым без «Войны и мира», быть Достоевским без «Преступления и наказания».

То, что было мало этого лет тому назад было ясно лишь немногим избранникам, то ясно теперь всем народам нашей великой страны.

«Настоящий Лермонтов» — гениальный поэт и великий гражданин своей страны.

Ираклий АНДРОНИКОВ

Домыслы и доказательства

ЦИНАНДАЛИ
Нижегородский драгунский полк с давних пор стоял в Карагаеке. Русские офицеры, служивших в Кахети, сблизил с грузинским обществом знаменитый грузинский поэт Александр Герсевич Чачаваладе, который был офицером, а одно время даже командиром полка. Офицеры стали бывать в его родовом имении Цинандали. Правда, когда Лермонтов был сослан в Нижегородский полк, Чачаваладе давно уже не служил в нем. Он вышел в отставку еще в 1820-х годах. Но мы знаем, что офицеры попрежнему ездили к Чачаваладе в его имение Цинандали. Может быть, и Лермонтов бывал там? Одна из дочерей Чачаваладе, Нина Александровна, была вдовой А. С. Грибоедова. Неужели Лермонтов не познакомился с ней? У нас нет об этом никаких сведений, но разве нельзя доказать это знакомство? По-моему, можно!

Для того, чтобы дать своим дочерям европейское образование, Чачаваладе ездил в начале 1820-х годов приглашенным в качестве воспитательницы Православную Пилувану Ахвердову, унину и высокообразованную женщину. Ахвердова прожила в семье Чачаваладе около тридцати лет и по праву может считаться второй матерью Нины Александровны Грибоедовой. Но никто не обращал внимания, что Ахвердова — урожденная Арсеньева — принадлежала Лермонтову двоюродной теткой. А это дает некоторые основания считать, что Лермонтов мог бывать в имении Чачаваладе.

Но одно предположения недостаточно: мог бывать, но бывал он там или нет? Выясл! Можно привести доказательства? В одном из альбомов Лермонтова, кото-

рый хранится в Государственной публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, рукою Лермонтова написано: «Ахвердова на Кирочной». Это — петербургский адрес Ахвердовой. Значит, когда Ахвердова в 1840 году ездил в Петербург, Лермонтов встречался с ней там. Значит, в 1837 году он был знаком с Ахвердовой и с семьей Чачаваладе, да иначе и быть не могло, потому что Ахвердова еще до ссылки Лермонтова на Кавказ была в Петербурге и в Царском Селе, где в то время служил Лермонтов.

Но, может быть, в 1837 году Лермонтов и Чачаваладе все-таки не встретились? Нет, встретились. Родственник Лермонтова — Шан-Гирей, рассказывая в своих воспоминаниях о разговоре с Лермонтовым по поводу «Мелана», упоминает о том, что Лермонтов, назвав жену Тамары властителем Синодала, допустил неточность: «В Грузию шел Синодала, — пишет Шан-Гирей, — а есть Цинандали, старинный замок в очаровательном месте в Кахети, принадлежавший одной из древнейших фамилий Грузии, князей Чачаваладе».

Почему же Шан-Гирей пришел в голову сопоставлять имя Синодала с Цинандали? Значит, Шан-Гирей знал, что имя Синодала возникло у Лермонтова под впечатлением пребывания его в Цинандали! Значит, Лермонтов у Чачаваладе бывал!

Так вот, оказывается, где наблюдал он жизнь новой страны, откуда узнал феодальный княжеский быт, описанный в «Мелане».

Здесь Лермонтов слышал, наверно, грузинские и персидские песни, которые исполняли приглашенные музыканты. Здесь Лермонтов сам читал и слушал стихи Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре», которые под звуки «стар» запевал кто-нибудь из гостей.

Здесь вел беседы с Чачаваладе и с Ниной Грибоедовой; здесь Лермонтов задумал большую поэму о казавской войне и о гибели Грибоедова в Тегеране.

Но почему же об этом всем не сохранилось сведений? Неужели среди бумаг Чачаваладе не осталось ни одной записки с именем Лермонтова, ни одного стихо-

творения его, пусть даже написанного кем-нибудь неизвестной рукой? В 1854 году Цинандали сгорело. В пожаре погиб весь архив Чачаваладе, Ахвердовой и Нины Грибоедовой. Если бы архив был цел, мы наверное давно бы знали о том, что Лермонтов был знаком с Чачаваладе.

«УЧЕНый ТАТАР. АЛИ»
Никто не знал, что сто лет тому назад великий поэт Лермонтов протянул руку великому азербайджанцу и одним из первых положил начало дружбе и связи двух народов.

Но откуда нам это известно? Ведь сто лет об этом никто ничего не знал! А вот прочтите записку Лермонтова, которая до сих пор не разгадана.

«Я в Тифлисе у Петр. Г. — ученый татар. Али и Ахмет. — иду за груз, в банки; она делат нуле; но мы не входим, ибо суббота: Выхода, она опять делат занак; я рисовал углем на стене для гавтаху: я забыл и делал ея черту на спине; следую за ней... она велит... вынести груз. Я выношу и бросаю в Куру. Мне делается дурно. Меня нашла и отнеси на гауптвахту: я забил ея дом паперено. Мы решаемся отыскать; я снял с мертвого князя для доказательства. Несем его к Геургу. Он говорит, что делал его русскому офицеру. Мы говорим Ахмету, чтоб он узнал, кого имеет этот офицер. Узнают от девицки, что этот офицер долго ходил по соседству с одной старухе с дочерью; по долгу вышла замуж; а через неделю он пропал. Наконец, узнаем, за кого эта невеста вышла замуж, находим дом, но ее не видит: Ахмет бродит кругом и узнает, что муж приехал и кто-то ему сказал, что видели, как из окошка вылез человек немелки, и что муж допрашивал я в полемии. — Раз мы идем по караван-серая (ночь) — видим клат мужчину с этой женой: они остановились и посмотрели на нас. Мы прошли и видим, она показала на меня пальцем, а он кивнул головой; после поше (лицо) один на меня напали на мосту, схватили меня, и как аовут; Я сказал: Он, «я муж такой-то и

хотел меня сбросить, но я его предупредил и сбросил...»

В этом отрывке ясно сказано: «Я в Тифлисе». Неужели Лермонтов действительно выносил из банки труп неизвестного человека да еще сбросил в Куру и другого? Наверд ли!

Скорее это запись плана какой-то поести и рассказывает о себе не Лермонтов, а его герой.

Какая же повесть задумал Лермонтов? Офицер попадает в новую обстановку, не понимает обычаев страны и случайно становится свидетелем чужой тайны. Его хотят утопить, но в борьбе он сам становится в воду своего противника. Это — сюжет «Тамани». Ведь действующие лица находятся там в таких же отношениях.

Сохранились свидетельства современников о том, что в городе Тамани с Лермонтовым в действительности произошел подобный случай. Значит в Тифлисе такого случая в действительности быть не могло. Ведь не два же раза подряд Лермонтова хотели утопить!

Все это подтверждает, что отрывок «Я в Тифлисе у Петр. Г. — план поести. В Тамани Лермонтов был раньше, в Тифлисе — потом. И совершенно понятно, что действительный случай в Тамани начал в Тифлисе обрабатывать подробности и превратился в замысел поести. Но зачем же Лермонтов перенес действие обратно, в Таман?

А перепис потому, что в обстановке глухой гористой страны с офицером, страстивающим с подорожной по казенной надобности, становился обыкновенным эпизодом казавского война.

Но может быть, мне это кажется, и записку «Я в Тифлисе у Петр. Г.» все-таки говорить о действительном приключении в Грузии?

Что это не так, доказывает отыск Лермонтова в рукописи. В одном месте у Лермонтова написано: «Ночью двое напали на меня на мосту. Потом он ачеркнул «двое» и написал «один». Значит, он еще не знал точно, сколько должно быть нападающих. Записывая наскоро сюжет, он вторично обдумывал все это в то время, когда писал.

А в другом месте он начал: «Я за и тут же поверх этих букв написал фразу: «меня нашла и отнеси на гауптвахту». Следующую фразу он начал опять: «Я за» — «Я забыл ея дом, наверно». Стало быть, про гауптвахту он раньше не

думал. И эта важная деталь пришла ему в голову во время письма.

Вот такой системой расшифровки ошибок, опилок и поправок мы можем восстановить ход его мысли. Забегая вперед показываю, что пока рукоя писала, у Лермонтова возникали новые подробности, новые линии сюжета.

Но если это повесть, то чьи же имена обозначены в начале? Кто это Петр. Г., ученый татар. Али, Ахмет, Геург, который делал кинжал убитому офицеру? Нет сомнений в том, что все это реальные люди, которых Лермонтов собирался описать в своей повести. Геург — действительно тифлиский оружейный мастер. В черновые стихотворения «Поэт» Лермонтов снова упоминает его имя:

В серебряных ножнах блистает мой кинжал — Геурга старого владыке.

В Тифлисе Лермонтов встречался не только с грузинами. Его интерес к стране не ограничился знакомством с кругом Чачаваладе.

Лермонтов начал брать уроки азербайджанского языка. Значит, он встретился с жителями в Тифлисе азербайджанцами. Мы знаем, что по возвращении из ссылки Лермонтов написал сказку «Ашик-Керби». Сюжет ея совпадает с народной азербайджанской сказкой. Правда, кроме имени Ашик-Керби, имена у Лермонтова совсем другие, но теперь, после того как обнаружен лермонтовский автограф, не остается сомнений в том, что он обработал народную сказку про Ашик-Керби.

В сказке Лермонтова соперница Ашик-Керби зовут Куршуд-беом. А в одном месте Лермонтов ошибся и написал вместо имени Куршуд-бека — Шах-Валат. А в народной сказке соперница зовут Шах-Велат.

Хорошо! Но почему же Лермонтов назвал свою сказку «турецкой»? Значит, человек, который рассказывал ея, знал, что сказка об Ашик-Керби существует и в турецкой литературе. Значит, этот человек хорошо знал восточную литературу и языки.

Так у кого же Лермонтов брал уроки азербайджанского языка? Кто рассказывал ему азербайджанскую народную сказку? Ведь для того, чтобы лать Лермонтову уроки, этот человек должен был хорошо знать, кроме азербайджанского языка, русский. Значит, это был образованный человек. Образованный азербайджанец в то время в Тифлисе было немного. Мы

знаем, что Лермонтов встречался с ученым азербайджанцем Али.

Образованный азербайджанец, которых звали Али, было в Тифлисе еще меньше. Может быть, даже один: Мирза Фатли Ахундов, или, как его называли в то время, Мирза Фетх-Али Ахундов.

Фатли Ахундов, замечательный азербайджанский поэт, служил в то время в Тифлисе в должности переводчика с восточных языков при канцелярии главноуправляющего Грузией барона Розена. Он числялся в военной службе и стало быть в 1837 году состоял с Лермонтовым в одном гарнизоне.

Первые стихи, которые сделали его имя известным за пределами Кавказа, Ахундов написал в феврале 1837 года. Это была элегия на смерть Пушкина.

По этим стихам видно, что уже в 1837 году Ахундов хорошо знал не только Пушкина, но и весь русский поэзия.

«Моломоси красотины гения украсил обитель поэзии» — мечта Пушкина водворилась в ней, Державин завоевал державу поэзии, но властелином ея Пушкин начал новую эпоху.

«Каразин наполнил чашу вином знания», — Пушкин выпил вино этой полнов чашки...

Я привел тот перевод, который слелал писатель-декабрист Бестужев-Марлинский. Он был дружен с Ахундовым. В 1837 году Бестужев жил в Тифлисе и брал у него уроки азербайджанского и персидского языков.

Можно ли допустить, что Лермонтов, соданный в Грузию за стихотворение на смерть Пушкина, в городе, где чуте ли не все жители знали друг друга, мог не встретиться, не познакомиться с азербайджанским поэтом, тоже написавшим замечательные стихи на смерть Пушкина? Знакомство, конечно, состоялось. А доказательством этому служит записк Лермонтова — «Ученый татар. Али».

К тому времени, когда Лермонтов приехал в Тифлисе, Бестужева уже не было в живых: 7 июня 1837 года он был зарублен в сражении. В Грузии Лермонтов встретился с другим декабристом — поэтом Александром Ивановичем Одоевским и подружился с ним. Они служили в Нижегородском драгунском полку в одно время.

Наверно друг Лермонтова — декабрист Одоевский — и познакомил его с Фатли Ахундовым — другом декабриста Бестужева,

ПОЭТ И КРИТИК

Д. БЛАГОЙ

В 1838 г. в одном из второстепенных журналов того времени появилась без имени автора «Песня о купце Калашникове».

С обычной своей проникновенной чувствительностью, во взрывающейся на языке именами, Великий гордо отделился на новое замечательное явление нашей литературы. «Не знаем имени автора этой песни», — писал он, — но... не боимся понаблюдать в живые предсказатели, сказавши, что наша литература приобретает сильное и самостоятельное направление.

С этого времени мощное гарование Лермонтова не выходит из поля зрения Белинского. Каждое новое произведение Лермонтова восторженно встречается критиком, безобидно угадывая в мало кому известном, почти не печатавшемся молодом поэте достойного «наследника», «преемника» великого Пушкина.

«Какое его «Терек», — восклицает Белинский в одном из писем к Боткину по поводу стихотворения Лермонтова «Дары Терека». — Читая этот — странно сказать, а мне кажется, что в этом юноше готовился третий русский поэт, и что Пушкин умер не без наследника». «Аллах-кери! — пишет он ему же о лермонтовском «Родина»: — Что за вещь! — Пушкинская, т. е. одна из лучших пушкинских. Но произведение Лермонтова для Белинского не только дивно-художественное поэтическое создание, а поэтическое просто откровение. И вот в полном смысле этого слова ищет имя, находит в стихах и прозе Лермонтова звучный отзыв на то, что для него самого является самым важным, насущным, значительным. «Я им только и живу», — пишет он о лермонтовском «Демоне». — «Демон» сделался фактом моей жизни. Я твердо его другим, твержу себе, в нем для меня мира истины, чувств, красоте. Белинский читает «Демона» вслух своим знакомым; полностью собственноручно переписывает его для своей невесты.

С самим Лермонтовым Белинский встретился еще в 1837 г. в Питере. Иронические насмешки Лермонтова над «серьезностью» Белинского, вызывающего негодование, в это время зачитывались, произведя на критика самое неблагоприятное впечатление. Однако под влиянием страстной увлеченности новыми произведениями Лермонтова Белинский три года спустя снова решает навестить поэта в тугие для него дни: Лермонтов находился в это время под арестом за дуэль. На этот раз Лермонтов предстал Белинскому в своем настоящем свете. «Глубокий и могучий дух!» — писал он под впечатлением этой встречи. — Как он верно смотрит на искусство, какой глубокий и чисто непосредственный вкус! Лермонтов — это русский поэт с Иванами Великим! Чужая натура... Как он ниже меня по своим понятиям, и как я беспочвенно ниже его в моем перед ним превосходстве».

Вскоре после этой встречи выходят отдельные издания «Герой нашего времени» и стихотворения Лермонтова. Великий отзывается на это своими двумя знаменитыми лермонтовскими статьями, в которых впервые раскрывает русскому читателю великое значение нового поэта.

В своих статьях Белинский не мог говорить полным голосом. Однако высказывания статей дополняются многочисленными отзывами о Лермонтове в письмах Белинского к друзьям. Неизменно указывая на кровную преемственную связь Лермонтова с Пушкиным, Белинский наряду с этим подчеркивает «существенные различия» между его поэзией и поэзией Пушкина. «Чем выше поэт, тем больше принадлежит он обществу, среди которого рождается, тем теснее связано развитие, направление и даже характер его таланта с историческим развитием общества», — это положение Белинский и кладет в основу своего анализа Лермонтова. Резкое отличие в эмоциональной окраске поэзии Лермонтова от стихов

молодого Пушкина зависит от того, что она связана с данным историческим моментом русской действительности. В произведении молодого Пушкина, исполненных «светлых надежд, преисполненных торжества силы и энергии», отразилось повышенное самолюбие декабристских и близких к декабризму кругов в годы перед восстанием (прямо упоминать о декабрьском восстании Белинский, понятно, не мог, но из контекста статьи очевидно, что критик имеет в виду именно его). В стихах Лермонтова, также отражающих самолюбие наиболее передовых общественных кругов после разгрома декабристов, в период реакции, «уже нет надежды, они поражают луну читателя безотрадной, безверием в жизнь и чувства человеческие». Эпоха реакции определяла, по Белинскому, все основные мотивы лермонтовской лирики: его недовольство современностью, «жаждою на настоящее поколение, дремлющее в безделье», «тоску по жизни», невозможность деятельности и поэтому полному отказу от рефлексии, настроению «уныния, душевной апатии, пустоты внутренней». Настроения эти были близки всем лучшим людям эпохи, в том числе и самому Белинскому. «Как безумный, твердил я и лично и почти эту чудную молитву», — пишет он в одном из писем о стихотворении Лермонтова «В минуту жизни трудную».

«Но теперь я твержу, как безумный, другую молитву, «И скучно, и грустно!... и некому руку подать...». О ранних произведениях Лермонтова Белинский пишет: «Надо удивляться детским произведениям Лермонтова — его драме, «Войну Орле» и т. п. Все это детски, но странно сильно и взаимно. Лирическая натура! Странный и могучий дух!» В этом же свете интерпретирует Белинский и образ основного героя Лермонтова, его Печорина —alter ego самого поэта. «Печорин — это он сам, как есть», — записывает он под впечатлением встречи с Лермонтовым в арестном доме). В Печорине Белинский видит воплощение критического духа «нашего века», в нем «особенно

образ тех людей, «которые вечно находятся в борьбе с внешним миром и с самим собой». Огорчение есть достойная форма их бытия».

В этой лиричной сите отчаяния заключалась и то огромное значение, которое имело творчество Лермонтова для внутреннего развития самого Белинского. Поэзия Лермонтова помогла ему окончательно изжить «примирительные» настроения, овладеть им было в период его гегельянства, от «примирения с действительностью» перейти к беспощадной борьбе с ней.

Глубокая проникновенность и величайшая историческая прогрессивность критического анализа Белинского особенно резко выступают на фоне отзывов о Лермонтове со стороны других современных ему критиков. Подавляющее большинство этих отзывов носит также хвалебный характер, однако все они в лучшем случае замалчивают, а чаще и прямо отвергают, в качестве случайного «предрассудка», досадных «ляпов», те «писанные кровью», горько-сатирические, скорбно-мрачные восторги Лермонтова, которые Белинский, наоборот, выдвигает на первый план и в которых действительно с наибольшей яркостью и силой выразились основные особенности лермонтовской лирики. Один из таких критиков, профессор и цензор Никитенко, восхвалялся «премудрыми и прелевыми пьесками» Лермонтова, вместе с тем обращался к имени «истинной критики» к его «хорошоизвестной» музе с характерным предложением — «неужели поправить» ее «статейки»: «Вот тут висят несколько лирических стихов, которые мотаются так, без нужды, и портят только изысканную гармонию вашего нароя: мы отрезаем их. Станьте ко мне спиной, вот так: «Первое января» — долгой. «И скучно, и грустно» — также. «Благодарность» — тоже. Что в них хорошего, достойного ващей физиономии?» Другой критик, слаяюфил Шевырев, отмечая «тягостное впечатление», какое производит «немного пьесы» Лермонтова, «сиротно мелькающие в свет-

лом венке его стихотворений», также призывал поэта воздержаться от произведений, которые «не могут отбрасывать приятного в душе» читателей.

«Странные люди!» — гневно возражает этим представителям «старого поколения» реакционной дворянско-буржуазной критики Белинский, — им все кажется, что поэзия должна выдумываться, а не быть ярким истинным, тошнотворно-прекрасным, а не греметь правдой! Поэзия Лермонтова «грелась правдой», «показывая нам действительность, как она есть».

К окончательной оценке творчества Белинского хотел вернуться еще раз в той «критической истории» русской литературы, которую он задумал в последние годы жизни. Неисправимо вслед за одиннадцатью статьями о Пушкине, по плану Белинского, следовало новые статьи о Лермонтове и Гоголе. Лермонтов должен был простоять в статье, ему посвященной, как величайший представитель той новой «истинной поэзии», отличительными чертами которой являются «дух анализа, неукротимое стремление к исследованию, страстное, полное вражды и любви мышление». Новая статья, по свидетельству Белинского, вся должна была быть построена под углом «сравнения» Лермонтова с Пушкиным. Смерть Белинского помешала ему осуществить свой замечательный замысел.

Но уже в двух статьях Белинского о Лермонтове 1840—1841 гг. содержатся все основные элементы оценки им его творчества. Значение этих статей в истории развития нашей критики и нашей общественной мысли исключительно велико. До сегодняшнего дня остаются они самой полной, самой верной, самой вдохновенной критической историографией лермонтовского творчества.

Чуждо былые в наши дни и те «предостерегающие» слова, которыми Белинский закончил вторую из этих статей: «Уже не далеко то время, когда имя его в литературе делается народным именем, и гармонические звуки его поэзии будут слышны в повседневном разговоре толпы, между толпами ее о житейских заботах...»

Госпиталь выпускает массовым тиражом к юбилейным лермонтовским дням «Герой нашего времени». На снимке: иллюстрация художника П. Павлинова

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

НИКОЛАЙ ТИХОНОВ

Все давно согласилось на том, что Лермонтов общал так много, что дух захватывает, как подуматься, что бы он мог совершить в родной литературе. Богатырская сила только начинала развиваться по его жилам. Такого тревога, пожарившая его в молодости, должна была перейти со временем в такую шипоту и уверенность, в какие обширные замыслы (чего стоит одна мысль о трилогии исторической), что целая линия русской прозы и стиха обозначилась бы совсем особо, даже при наличии Некрасова и Готьева, Толстого и Достоевского.

Лермонтов мог бы на бастионах Севастополя, и не его ли заменил там артиллерийский офицер, бывший перелетным в лермонтовской Чечне, на знакомой поручику Тенингского полка рубке дзеса, офицер, ставший великим писателем земли русской, впитавший в себя многие страсти прозы Лермонтова и прочитавший по-своему удивительные по новизне мысли ет стиха.

К самому же Лермонтову можно отнести его характеристику творчества художника Лугина в отрывке из начатой повести: «В его картинах всегда дышало какое-то неясное, но тяжелое чувство, но на них была печать той горькой поэзии, которую наш великий век выжимал из сердца ее первых проповедников...»

И сейчас, когда прошло почти сто лет с тех пор, как были написаны и «Мысли» и «Горькие истины», мы не можем без внутренней тревоги читать стихи и прозу этого юноши — «страстную» этого офицера, да еще с подорожной по казенной надобности».

Чудо, с которым мы соприкасаемся, в это время состоит в том, что простота их внешнего покрова скрывает так много смысла, за которым открывается для каждого какне-то его собственные глубочайшие, неповторимые ощущения, что невозможно не быть ими пораженным.

В чем тайна этой поэзии, которую Чехов предлагал изучать, как разбирая в школах, — по предположениям, по частям продолжения?

В чем тайна этого стиха, неровного по исполнению и во вдохновению, но всегда насыщенного лирическим огнем, энергичного иступленного холода? Так блестяще правдой как зволение клинги во мраке валерийского леса.

«Правда всегда была моей святыней» — однажды пылко написал Лермонтов среди строк официального документа.

И он хотел совместить в одной правде поэта, современника, гражданина, прозаика, обвинителя и обвиняемого, приняв на себя вину за «белый век» и «горькую поэзию». Видения фантастического мира были на службе у реалиста, и каждодневная жизнь стала черновиком повести такой реальной, что изображенная в стихах очередная битва стала мучительной поэмой.

«Львиная натура! страшный и могучий дух» (как назвал в восхищении Лермонтова Белинский) были заключены в пошопенный мудир армейского поручика, искавшего «единые истины» и «горькие лекарства» для исцеления поколения, бесплодно тратившего свои силы.

Поэт, видевший могучие спящие силы родины, взывал к ним слишком рано, vysokий романтизм, сметавший мировое мешанство, герой с мечтой о подвиге, кто мог делать в мире предусмотренного приказами движения чинов, перед «нежделяющим оком» всевидящих наших?

В набросках сюжета поэмы «Князь Мстислав» есть такая конюшка: Мстислав умирает и просит, чтоб над ним поставили крест и чтобы рассказали его дела какому-нибудь певцу, чтобы этой песней возбудить жар любви к родине в душе потомков.

Поэт-боец выговывал песню о могучем человеке, о могучей родине, которая долж-

на быть, которая была создана в битвах человеком, свободным от предрассудков и тьмы, чуждым победителем. Не будем забывать, что все время мы имеем дело с юношей, и мрачный Печорин, ставший нарицательным демонам поколений, в пору своего романа имеет всего двадцать пять лет, а Грушницкий всего двадцать один год, а князь Мери не больше девятнадцати.

Стихийные силы протеста жиди, как в вулкано, в широкомплечем и неголущом человеке, и невероятная прилюдность его ощущений была естественна.

Век был не тот! Живи он в наш этический, грозный, гремевший над всем миром век, — он бы нашел себе тему по плечу, он, вызвавший к жизни богатырей, увидел бы их воочию, порожденных великой советской действительностью.

Летчик, пролетающий ежесезонно над Казбегом, равовой летчик, под которым Казбек снова, как грань алмаза, не спит же лермонтовского демона. Он только переосмысливает образность нашего поэтического восприятия и требует такой художественной правды, при которой нам надо увидеть снова Казбек уже не с высоты полета демона и не с высоты полета почтового самолета, а с высоты поэтического домьса, поэтической образности, дающей нам новое познание высоты и новый ее смысл.

Напряженная искренность «Бородина», «Спора», «Родины», «Валерика» вызывает нас на новый поэтический пестиник, на написание стихов, достойных нашего века и наших событий, на изображение по-новому новой славы нашей социалистической родины.

Эпогения стиха, пафос его повторяются в поколениях не только как память, но как прямое наследование.

На то ль он жил и меч носил, Чтоб в час вечерней мглы Слетялся на холм его Пустынные орлы?

Нет, не на то, отвечаем мы, а на то, чтобы память о боине жила в народе и в песнях, продолжающих его борьбу, на другой арене и в других условиях.

Проза его благоуханна, как слова Гоголя. Основные элементы ее живы и сейчас, и сейчас русская речь, став еще богаче и гибче, может дать новеллы, родственные «Тамани» по прозрачности и легкости почти колдовской лиричности, где снова пройдет ночное море, гроза, девушка, и новый путешественник, в положе- ниях, не повторяющих бессмертные стра- нины короткого лермонтовского рассказа.

В Лермонтове жила настоящая глубокое сила русского человека. Глубоко национально его творчество.

Москва, Москва!.. Люблю тебя, как сын, Как русский — сильно, пламенно и нежно!

И стихийность его не байроновская, и уаль его, и это искание мировой волюности, и эта тревожная и нежная песня, ненависть к мешанству, жажда подвига, — все это русские типичные черты.

В 1924 году на Загесе я видел, как среди множества людей разных племен Кавказа и русских работав наряду с другими, взрыва сафлы для плотины, и мыгры — как с барсом, боролсь они с рекой, с гремевшей мутью-желтой Курой, и эти мыгры были уже людьми советского века, века братства народов, века великого переустройства мира.

И в их рабочем клубе лежала книга Лермонтова, где они читали историю о том, как их казелий брат пробивался на свободу и как он «мало жил, и жил в плену...»

Мыгры не умер, через сто лет он вышел из дорей человеческого угнетения на свободу и прине с собой в свободную страну великое чудо искусства, искусство стиха, искусство той поэтической правды, которая будет жить вечно!

М. ЮНОВИЧ ЮНОШЕСКАЯ ЛИРИКА ЛЕРМОНТОВА

Поэзия алой поры, собранная «выскапельным художником» в небольшую книгу стихотворений и вошедшая в сокровищницу мировой поэзии, затмила юношескую лирику Лермонтова. А между тем лирика эта предстает выдающейся — не только биографической, но и историко-литературный интерес.

Лермонтов начал писать четырнадцатилетним мальчиком. Творческая одаренность была в нем ключом, то была «странная жажда песенности», — говорил сам поэт. Он писал быстро, легко и много, сам по себе, но много раз возвращался к тем поэтическим очеркам, что исторически «из души», иногда по первому впечатлению их темы, чужая работа над ними: развивал их идейным содержанием, добивался блеска, отчетливости, умелательной выразительности языка.

Ранняя лирика дает интереснейшую картину роста духовных сил поэта, его идейного развития и развития его художественного мастерства. Мимо этой картины не может пройти ни один исследователь жизни и творчества Лермонтова. Но не менее интересно то, что юношеская его поэзия является новой, по сравнению с предшествующей литературой, идеологической формой, которую выработал Лермонтов, наследуя лучшие традиции своего предшественников и отвечая новым задачам самостоятельной борьбы.

За четыре года — с 1828 по 1832 — было написано около трехсот стихотворений. Они составили, по верному определению С. Дурдылина, «почти подневную альфу мыслей, чувств и настроений поэта». Но значение этого «дневника» выходящее далеко за пределы автобиографии или творческой биографии.

«чувственной жизни с пристальным вниманием к своему внутреннему душевному миру, к своему «я»».

Нет противоречия в этом сочетании, и выступает оно закономерно и естественно в искреннейшей записи мыслей, чувств и настроений — в ранней лирике поэта.

Его душа была открыта «всем впечатляемым бытию» и в первую очередь впечатлениям освободительной борьбы. Последним было мало в жизни русского общества той поры, тем более жадно Лермонтов усваивал по книгам идеи свободности.

В «Жалобе турку» он скрывает о своей отчужденности, где «стоит человек от рабства и пены!», он обличает «свет». Писанные от роцой рукой стихи о «наидном, глупом свете», об этом собрании «важных шут» подготовляют могучие обличения «на смерть поэта». «Как часто струюю толпою окружен» и другие лучшие произведения Лермонтова зрелых лет творчества. Перу шестнадцатилетнего поэта принадлежат известное приветствие польской революции во Франции 1830 года. Он хранил память о том, что происходило в смысле декабристских и обращался к ним со словами приветия и призыва к мужеству. На так называемые «хотелые бунты» — народные волнения 1830 года, связанные с холерной эпидемией, — Лермонтов отозвался «Предсказанием». Решительное неприятие крепостнической, монархической России ставило поэта обращаясь к истории родной страны, обращаясь для того, чтобы поэтическое восхождение прошлого — борьбы с татарами, или древней повгородской реуолуции — служило настоящим — а именно крепостнической борьбе. Сохранение и укрепление исторической памяти, как «Моя жизнь такая же стихотворение, как «Моя жизнь была», «Баллада», «Приветствие тебе, воинственный славян святыя колы-

бел!» — это любовь к отчизне и свободе. Это — первое, еще не созревшее и потому нуждающееся в исторической одежде, выражение той великой мысли о единстве народа и родины, которую завещал Лермонтов своей предельной «Родины».

Кавказ вошел в поэзию юных лет как любимая и поэтически-алюбодневная тема. Она воплощает мечты поэта о социальном строе, чуждом насилию и угнетению, и давала материал для воплощения чаяний свободы. Протест против царской захватнической войны и сочувствие борющимся народам — явный или «скрытый» двигатель лермонтовского творчества, посвященного Кавказу, в том числе и ранней лирике с ее чудесными описаниями кавказской природы.

У юного Лермонтова лирика природы свобода от эстетства, столь характерного для поэзии господствующих классов, в частности, для дворянской поэзии той поры. Воссоздав с чудесной силой изображения и звуковыми величаво-прекрасную природу Кавказа, Лермонтов и описания эти сделал оружием борьбы с ненавистным строем монархии Николая I.

Приведенный, по необходимости беглый и далеко не полный, обзор идей и тем ранней лирики свидетельствует о том, что с первых же литературных начинаний Лермонтов выступал потом-борцом, тс ждал он общественными интересами своего времени и участвовал в социальной и политической борьбе «розыми оружием» поэта. Не подлежит сомнению, что юношеская лирика вошла в литературный опыт, обобщая который Лермонтов создал свой образ поэта — борца и трибуна, чей голос должен звучать.

ной действительности переживает со стихами, в которых точно и тонко переданы впечатления, концентрированные в единичные индивидуальные, душевные миры поэта.

Откуда это пристальное внимание к себе? Потому Лермонтов так настойчиво и выдержанно вопрошает людей и бога о своей судьбе, почему так упорно возвращается к горестной теме своей «черной» судьбы? Как объяснить сочетание в его поэзии «я», будто бы вознесенного над обществом, и гражданственности?

Герцен, чья блестящая характеристика Лермонтова имеет значение авторитетного свидетельства современника-революционера, отвечает: «Он (Лермонтов) принадлежал всецело к нашему поколению. Все мы были сличком юны, чтобы принимать участие в 14 декабря. Разобужденные этим великим днем, мы увидели только казни и изгнания. Принужденные к молчанию, сдерживая слезы, мы выключили сосредоточиваться, скрывая свои думы — и какие думы! То не были уже идеи просвещения, либерализма, идеи прогресса, то были сомнения, отрицания, злобные мысли».

Лермонтов, подобно лучшим мыслителям своего поколения, беззаветности, охваченный жгучей любовью к реальному действительности, должен был сосредоточиться в себе, в себе найти опору и силы для того, чтобы встретить людям с проповедью борьбы и гневным словом обличения. В атмосфере атмосфере порабощения и преследования нужно было прежде всего устоять: сохранить способность мыслить и чувствовать, сохранить человека. Отвечая этому общественному заданию, столь важному в условиях реакции, в крепостнической стране, Лермонтов вслед за Пушкиным, по-новому, с особой силой, драматизмом и философской глубиной поставил вопрос о судьбах и правах личности. В лирическом «я», так же как в героях романтических эпох, Лермонтов вознес выиском человека, духовно богатого, способного творить и бороться. То была исторически необходимая, оправданная, прогрессивная форма гуманизма. В ней есть и своя историческая ограниченность, но только сильная, но и слабая стороны. Слабые стороны субъективного гуманизма Лермонтова заключались в том, что он видел себя одиноким в мире; у него не товарищей друзей, нет «души родной» и нет общества, с членами которого поэт мог бы соединить свои стремления.

«Горестно и трудно» Лермонтов переживал одиночество. Никто из русских писателей не передал с такой потрясающей силой муки «горького томления» человека, обреченного «без разделья и наслаждения» и страдающего «жить за себя, скучать собой». Уже это одно говорит о том, что Лермонтов, подчеркивая горюю силу противопоставления своего «я» обществу, не утверждал индивидуализма. Он стремился вырваться из орбиты индивидуализма. Его поэзия отрицает жизнь «для себя», и жизнь «собой», он противопоставлял себя не миру вообще, а обществу «гопод», «бездумному» дворянскому свету, «важным шутам» и презренным рабам власти.

В юношеской лирике Лермонтов выступает поэтом, утверждающим освобождение сил души человеческой мысли. В его предостережении связаны свобода и познание, искренность и невинность; творчество, как и познание, несомненно с верой в бога: «От страшной жажды песенности Пушкин, творец, освободился».

Тогда на песнях путь спасения. И тебе я снова обращаюсь.

Эти стихи написаны пятнадцатилетним мальчиком.

Ранняя лирика поэтически обобщала опыт самонаблюдения. И так как Лермонтов не вымался в себе, не удовлетворялся жизнью «собой», опыт самонаблюдения подготовил умение объективно рисовать «диалектику души». Это умение проявилось во всем блеске в зрелой лирике, в тонком психологическом анализе Печорина. «Кто не изучал человека в самом себе», — писал Чернышевский, имея в виду рассказы молодого Толстого, — никогда не достигнет глубокого знания людей». Эти слова полностью приложимы к Лермонтову: его юношеская лирика подготовила объективное изображение «диалектики души».

Для по пути, указанному Пушкиным, Лермонтов углубил проникновение в человеческую душу, он открыл в ней «теплетневомыи... родину» чувств и мыслей. Лермонтова, по его же собственному признанию, занимала «история души человеческой». Это признание, сделанное писателем в «Горькие истины» — не что иное, как глубокое творческое самоопределение. Как Пушкина творческие самоопределения. Как Пушкина творческие самоопределения. Как Пушкина творческие самоопределения. Как Пушкина творческие самоопределения. Как Пушкина творческие самоопределения. Как Пушкина творческие самоопределения. Как Пушкина творческие самоопределения.

страстей. Лермонтов рассказал «историю души человеческой», показал сокровенное течение душевной жизни. Она предстала под пером Лермонтова также исполненной живых противоречий, а вместе с тем — интимно-простой. Лермонтов сумел уловить, казалось бы, невыловимые «волнения темные души». Он выразил «слетуним словом» «отрывки безымянных чувств и мнений» и простым словом он передал взрывшие до мощной ясности чувства и суждения.

Это соединение придает поэзии Лермонтова ту жизненную, психологическую и художественную убедительность, которая свойственна лишь произведениям великих художников-сербидеологов. Недаром его лучшие лирические стихотворения: «Кавказская колыбельная песня», «И скучно и грустно», «Выхожу один я на дорогу», «Совести безымянными народными песнями Простота интимности, за которой чувствуется сила обобщения душевного опыта, «выстраданность» чувства в соединении с «вольной силой» невинности сделали эти лирические песни доходчивыми до сердца народного.

Как поэт, способный «вникать в сердца людей», Лермонтов — прямой предшественник Льва Толстого. Толстой писал: «Проца Пушкина стара — не слогом, но манерой изложения. Теперь справедливо в новом направлении интерес подробности чувства заменит интерес самим событиям». Во главе этого «нового направления» стоит Лермонтов.

Снова как лучшее, проникновенное обобщение творчества великого поэта приходит на память слова Белинского. Он писал: «В таланте великом избыток внутреннею, субъективного элемента есть признак гуманизма. Не бойтесь этого направления: оно не обманет вас, не введет вас в заблуждение. Вот что заставляло нас обратить особое внимание на субъективные стихотворения Лермонтова и даже поразиться, что их больше, чем стихов художественных. По этому признаку мы узнаем в нем поэта русского, народного, в высшем и благороднейшем значении этого слова, — поэта, в котором выразился исторический момент русского общества».

Литературный календарь

А. В. КОЛЬЦОВ

130 лет назад, 15 октября 1808 года, родился замечательный русский поэт Алексей Васильевич Кольцов. Детство и юность будущего поэта протекали в тяжелых и безрадостных обстановке мещанско-кулачского быта.

18 лет от роду Кольцов начал писать стихи. В 1830 году его поэтические опыты случайно попали в руки Станкевича. Он заинтересовался поэтом-самородком; в первое время общался с ним в Москве (где он бывал по делам своего отца) Станкевич познакомил его с видными литераторами, в том числе с Белинским. Знакомство с последним вскоре перешло в дружбу. Белинский оказал большое влияние на развитие Кольцова. «Я обязан всем ему, — говорил позднее поэт, — он меня наставлял на настоящую дорогу».

С начала 30-х годов стихи Кольцова начали появляться в печати. Их безыскусственность, необитаемая простота, завершенность сразу обратила на себя внимание читающей публики. Кольцов познакомился с Пушкиным, Жуковским, Вяземским. Пушкин лично отзывался о стихах молодого поэта. Демократическая критика быстро оценила Кольцова как певца народных нравов.

Лирика крестьянского быта, чувства и мысли являя труда нашли в Кольцове своего ярчайшего выразителя. Вместе с Кольцовым, — говорит Белинский, — в литературу «с смело вошли и лапти, и рваные кафтаны, и исключенные бороды, и старье очуи, — и вся эта грязь превратилась у него в чистое золото поэзии».

Мало кто из русских писателей так близко соприкасались с народом, как Кольцов. Он вырос среди степей и мужиков. Он не для фраз, не для красивых слов, не для воображения, не мечто, а душой, сердцем, кровью любил русскую природу. Не на словах, а на деле сочувствовал он простому народу в его горях, радостях и наслаждениях». Так писал о Кольцове Белинский.

Революционно-демократическая критика высоко ценит народную поэзию Кольцова. О нем писали Герцен, Чернышевский, Добролюбов, Шеллинг, Глеб Успенский. Они рассматривали деятельность вороневского поэта как свидетельство могучих творческих сил народа, выдвинувшего поэта-самородку в первые ряды русской литературы.

НОВОЕ ИЗДАНИЕ СОЧИНЕНИЙ ЭДУАРДА БАГРИЦКОГО

Госинститат приступил к новому академическому изданию сочинений одного из любимых русских поэтов — Эдуарда Багрицкого. Начато ранее собрание сочинений продолжено не будет, так как оно не соответствует научным требованиям. Стихотворения объединены в прошлом издании исключительно по хронологическому принципу, без предварительной стилистической обработки и выделения тех из них, которые сам поэт считал лучшими своими произведениями.

Академическое собрание сочинений издаётся по новому плану, выработанному Госинститатом совместно с комиссией по охране литературного наследства. Э. Багрицкого, выделенной правлением Союза писателей. Новое издание будет состоять из трех томов. Первый том включает отодоминирующую стихотворения, составленные самим поэтом незадолго до смерти. Сюда полностью входят книги Э. Багрицкого: «Юго-запад», «Победители» и «Последняя ночь», а также некоторые, бесспорно принадлежащие к ним произведения («Трагедия», «Февраль» и др.). Второй том составляют стихи, не включенные автором в свои книги, — ранние и второстепенные по своему значению произведения. В третий том входят биография поэта, его заметки, письма, все комментарии к его произведениям.

Выход первого тома запланирован уже в 1940 году. Академическое собрание сочинений выйдет под редакцией К. Зелинского, Н. Харджиева, И. Сельвинского и А. Суркова.

ВЕЧЕР ПАМЯТИ ОВАНЕСА ОВАНЕСЯНА

ЕРЕВАН. (От наш. корр.). Недавно литературная общественность Армении отметила десятилетие смерти классика армянской поэзии Ованеса Ованесяна.

В новом помещении клуба советских писателей Армении состоялся литературно-художественный вечер, посвященный памяти великого поэта, деятеля науки, вузовской молодежи, работником искусств. После вступительного слова писателя Дареняка Демурьяна, отметившего большую роль поэта в деле создания новой армянской поэзии, о большом внутреннем достатке и жизни и литературной деятельности Ованеса Ованесяна выступил критик Сурен Арутюнян.

После доклада с воспоминаниями об Ованесяне выступили писатели А. Исаакян, Г. Аветисян и другие. Ованес Ованесян является моим первым учителем, — сказал Аветисян, — учителем и поэтом, ибо он первый читал и одобрял мои стихи, которые были написаны под сильным влиянием его поэзии.

В президиуме ССП

11 октября состоялось заседание президиума Союза советских писателей СССР. Первым обсуждался вопрос об организации при президиуме ССП СССР комиссии по драматургии, театру и кино.

Решение Совета Народных Комиссаров Союза ССР о ежегодной премии имени А. М. Горького за лучшее драматургическое произведение показывает, какое большое значение драматическое искусство имеет для культуры и правительству придают театру и драматургии. Вместе с тем драматургия все еще сильно отстает от требований нашего времени. У нас очень мало пьес, интересно и глубоко ставящих важнейшие темы современности. Вот почему вопросом драматургии и театра требуют сейчас к себе самого пристального внимания со стороны президиума ССП СССР.

Взаимоотношения драматургов с крупнейшими театрами страны, с Всесоюзным комитетом по делам искусств и Кинокомитетом, консультацией — все эти вопросы не московского, а всесоюзного значения до сих пор были вне внимания президиума ССП СССР.

Имея в меру своего умения, занимаясь московская секция драматургов, поставив тем самым перед собой непосильную и несоответствующую ей задачу — руководство всесоюзной драматургией. Справедливая в основном критика драматических пьес была направлена, главным образом, именно на эту область ее деятельности. Важнейшие политические, творческие и организационные задачи в области драматургии должны быть возложены на ответственный и авторитетный орган. Московская секция драматургов должна быть освобождена от них для основной своей функции — творческой работы с авторами. Таким органом, по предложению тов. А. Фадеева — докладчика по этому вопросу, — должна явиться комиссия по драматургии, театру и кино при президиуме ССП СССР, в состав которой должны войти авторитетные драматурги Советского Союза, и — для последующей связи — представители ВКН, Кинокомитета, редакция газеты «Советское искусство».

В обсуждении этого вопроса приняли участие А. Толстой, Н. Погодин, К. Федин, К. Тренев, М. Левиндов, В. Арлов.

В результате обмена мнениями решено сформировать при президиуме Союза писателей комиссию по драматургии, театру и кино в следующем составе: И. Альтман, В. Арлов, А. Вруштейн, Н. Варга, В. Вишневский, С. Галкин, В. Горюхицкий, Ш. Данин, В. Иванов, В. Катанев, А. Каплер, А. Корнейчук, П. Леопов, А. Манкин, Л. Рахманов, Б. Ромашов, Н. Погодин, А. Толстой, К. Тренев, А. Фадеев, А. Файко, М. Храпченко, Л. Чернышова и один представитель от драматургов Белоруссии.

Тов. А. Фадееву поручено созвать первое заседание комиссии для формирования ее рабочего органа, состав которого подлежит на утверждение президиума ССП СССР. Комиссия должна выработать основные положения о своей работе, уточнить свои функции и установить порядок совместной работы с бюро московской секции драматургов.

Президиум ССП СССР обсудил вопрос о подготовке празднования 80-летия со дня рождения народного поэта Осетии Коста Хетагурова. В целях лучшей подготовки и проведения юбилея Коста Хетагурова президиум постановил перенести празднование Коста Хетагурова на 20 ноября.

Подготовка к юбилею Коста ведется повсеместно. На проведенном в Ереване во время VII пленума ССП СССР совещании было установлено, что поэты братских республик переводят на родные языки произведения Коста Хетагурова. В переводе на русский язык вышел на днях выпущенный Гослитиздатом сборник «Проза Фандлера» в хорошем оформлении и в массовом издании. Издательство «Искусство» выпускает репродукции с картин Коста и портреты поэта. Советские композиторы пишут музыку на его тексты. Всесоюзный радиокомитет даст 10 трансляций, посвященных жизни и творчеству Коста Хетагурова. Оставшиеся до юбилея месяцы должны быть использованы для подготовки журналов и газет для популяризации творчества Коста.

По сообщению секретаря юбилейного комитета Т. Чаглова, журналы «Знамя», «Молодая гвардия», «Молодой колхозник» до сих пор не позаботились о статьях, посвященных творчеству Хетагурова.

Президиум ССП СССР решил предложить журналом — органом Союза писателей — напечатать в ближайших номерах только произведения Коста Хетагурова и статьи о нем, но и лучшие образцы современной литературы Осетии и посвященные ей статьи.

Решено просить Государственный литературный музей организовать к юбилею Коста Хетагурова выставку, посвященную жизни и творчеству поэта. Для участия в юбилейных торжествах президиум ССП СССР с активом и представителями литературы братских республик выедет в Северную Осетию и Южную Осетию.

А. Каравеева сообщила президиуму ССП СССР о подготовке очередных курсов-конференций Союза писателей. Из 19 областей и городов РСФСР в Москву придут 42 писателя для занятий на курсов-конференциях. Курсы намечено открыть 10 ноября сроком на один месяц. Президиум утвердил в основном представителем бюро областных комиссий программу работ, сроки и состав слушателей курсов-конференций и ассигновал на проведение их 100 тысяч рублей.

На этом заседании президиума ССП СССР в члены Союза писателей принят Н. Шпанов — автор книги «Первый удар».

Председательствовавший на заседании К. Федин огласил приказ Политуправления Н-ской армии от 5 октября с. г., в котором интеллигент второго ранга запаса, литератор красноармейской газеты «Боевое знамя» поэт С. И. Кисринов объявляется благодарным «за добросовестное отношение к работе, за активное участие в выпуске газеты «Боевое знамя».

В НАЦИОНАЛЬНЫХ КОМИССИЯХ

Имя и песни Касбета Кочарова, 107-летнего сказителя, популярны не только в Карагаче, но и в соседних республиках. Его песни всюду распеваются; они влюбляют молодых советских поэтов. Не менее популярно творчество старых сказителей Кабардино-Балкарии — Килькуца Симжаева, Бекмурза Пачева и Кязима Мечнева.

В творчестве этих сказителей — веками накопленные богатства языка, тысячелетний поэтический опыт народа. Оно по праву должно стать достоянием всех советских народов.

Но как будет удивление читателей, когда они ознакомятся с теми немногими русскими переводами кавказских сказителей, которые печатались на страницах республиканских газет и выходили отдельными сборниками.

Айдамы! Этот поэтский платок, Лелебину шкуру обвяв, Пышный бост превращает в цветок И пьянит ароматом любви...

Вряд ли такие безуклонные, претенциозные стихи дадут читателю представление о замечательном произведении Кочарова. А ведь перевод принадлежит лучшему в Карагаче переводчику Г. Орловскому. Что же говорить о других переводах!

Докладывая об этом, Ю. Либельдский ознакомил бюро национальных комиссий с интересным опытом, проделанным в Кабардино-Балкарии. Там, на составленном недавно пленуме писателей, были приняты новые формы работы. Творческое объединение сказителей с писателями, запись песен, сказов и стихов сказителей, изучение с их помощью фольклора, организация и контроль переводческой работы — таковы функции одного из заместителей секретаря правления. Другой заместитель занимается учебно-творческими вопросами.

Зрелищные писатели, — продолжает докладчик, — можно считать в Кабардино-Балкарии только двух товарищей — А. Шагучукова и Шах-Мурваева. Но они так же, как талантливые писатели — М. Губаев, создавший первую драму «Мажид и Марьят», поэт А. Будаев и прозаик А. Баджеев, должны еще серьезно учиться.

Такое же положение во многих других республиках. Вот почему интересный опыт, проделанный в Кабардино-Балкарии, должен привлечь внимание товарищей из других республик.

На заседании татарской комиссии с докладом выступил т. М. Джалиль.

По инициативе писателей, — сказал он, — в Казани организуется Институт языка и культуры и создана комиссия по составлению истории татарской литературы. Сейчас писатели готовятся встретить праздник 20-летия Татарской республики и юбилей 30-летия творческой деятельности крупнейшего современного татарского писателя Шарифа Камала.

В последнее время заметен рост творчества молодых писателей. Героическую повесть «Сиваш» написал Гумер Разин. Повесть эта неплоха по языку и интересна по сюжету. Поэт Н. Давали успешно работает над стихотворными миниатюрами на современные темы. С. Халим выступила с циклом лирических стихотворений. Его поэзия, родственная творчеству Х. Тахтая, отличается своеобразным раскрасом и чувством современности. Молодой новеллист Е. Галаев выпустил сборник интересных рассказов «В дороге». Большую повесть «Гармонист» написал Фатим Хусни.

Долгое время по вине старого правления в творческом одиночестве пребывали талантливые писатели старшего поколения И. Исаибеков, М. Гали, Ф. Вурнаш, К. Амирхан. Сейчас положение изменилось. И. Исаибеков подготовил в печати ценные фольклорные сборники и написал комедию «Заблудшая республика». М. Гали пишет новеллы и работает над историей литературы. Ф. Вурнаш перевел «Евгения Онегина».

Обсуждал доклад М. Джалиль о деятельности нового правления ССП Татарии, комиссия наряду с достижениями отметила слабое руководство журналом «Совет Эдобетат», не отражающим роста татарской литературы, и указала на недостаточное еще привлечение писателей старшего поколения к работе Союза.

ЛЕРМОНТОВСКИЕ ДНИ

В Москве

Московский государственный университет организует в своих аудиториях 18, 24, 30 октября и 12 ноября цикл литературно-художественных вечеров, посвященных 125-летию со дня рождения М. Ю. Лермонтова. Будут прочитаны лекции: И. И. Андрониковым — «Жизнь поэта», проф. Н. Л. Бродским — «Лирика Лермонтова», Л. П. Гроссманом — «Повести и романы», В. А. Филипповым — «Драматургия Лермонтова». На лермонтовских вечерах выступят работники искусств столицы: народная артистка СССР А. К. Тарасова, народная артистка РСФСР Е. Н. Гоголева, артисты Д. Журавлев, Н. Першин, Н. Арди, которые прочтут произведение поэта.

В Армении

ЕРЕВАН. (От наш. корр.). Союз советских писателей Армении деятельно готовится к проведению лермонтовских дней. 15 октября в клубе Союза писателей состоится большой вечер, посвященный памяти М. Ю. Лермонтова. Советом выделены специальные докладчики, которые выступят в эти дни на предприятиях, в вузах и других местах города. Сейчас поэты Г. Абов, Г. Сарьян, Н. Зарьян и другие переводят отдельные произведения великого русского поэта на армянский язык.

Госиздат Армении готовит к выпуску отодоминирующим избранных произведений Лермонтова. В эту книгу войдут главным образом лирические стихи поэта. Одновременно Госиздат приступил к изданию двухтомника сочинений Лермонтова. Молодой критик С. Арутюнян заканчивает большую монографию на тему «Лермонтов и армянская литература».

ВЫСТАВКИ, ПОСВЯЩЕННЫЕ М. Ю. ЛЕРМОНТОВУ

Сегодня в Колонном зале Дома союзов Государственный литературный музей устраивает большую выставку, посвященную М. Ю. Лермонтову.

На 15 щитах и витринах выставки богато представлены автографы поэта, среди которых имеются неупомянутые в предыдущем издании его произведения, различные рисунки и портреты, подлинные рукописи (отдельные альбомные записки, стихотворения, письма).

На выставке — обилие портретов, рисунков, фотографий и различных набросков. В семейной группе имеются детские портреты Лермонтова, портреты его матери, бабушки и друга семьи М. М. Сперанского. Все эти портреты бывали в пользовании Тархани, где поэт провел первые свои тридцать лет. Обращает на себя внимание аquareльный портрет-набросок М. Ю. Лермонтова, выполненный известным художником А. И. Клувером.

Многочисленны и интересные также иллюстрации советских художников к произведениям Лермонтова. Среди других на выставке приведены работы академика Е. Лансера, художников П. Павлюнова, В. Бехтеева, Т. Магариной, Н. Кузьмина, Ю. Оболенского. Отдельный щит отведен под живописные рисунки и фотографии с видами лермонтовских мест в наши дни (Тарханы, Серелинское, Патагорск).

В связи с тем, что выставка в Колонном зале Дома союзов будет открыта только один день — 15 октября, Гослитиздат совместно с Государственной Третьяковской галереей, Государственным театральным музеем им. Вахрушина, Государственным историческим музеем, Государственной библиотекой СССР им. Ленина и другими музеями и краеведческими в настоящее время организуется фольклорная выставка лермонтовского фонда в Москве. Эта выставка откроется 1 декабря в помещении Центрального дома работников искусств и будет функционировать в течение месяца.

ВЕЧЕР АРМЯНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В МОСКВЕ

В дни, когда в Москве будет проходить декада армянского искусства, президиум Союза писателей СССР и правление Московского клуба писателей решили организовать вечер, посвященный армянской литературе. На этом вечере примут участие писатели, поэты, критики Армении. С этой целью президиум Союза писателей СССР и правление клуба пригласили из Еревана писателей Р. Григоряна, Аветика Исаакяна, Дереняка Демурьяна, Степана Зоряна, Арава, Наира Зарьяна, Гегам Сарьяна, Сираис Воскняна, Г. Борьяна, Г. Абова, Льва Микаэляна, Рагва Кочара, Арак Аветисяна, Сильву Капутичян, Г. Апприана, Товалдыана, Тарончи. На днях писатели приедут в Москву.

ЧЕТВЕРТЫЙ ТОМ МОЛТАССАНА

Госинститат выпускает четвертый том полного собрания сочинения Гюль-и-Мошассана под общей редакцией Ю. Данилина и П. Леселова-Польнянского.

В четвертый том вошли: «Лунный свет» в переводе С. Пичевой-Писаревой, «Мисс Гарриет» в переводе Н. Смирнова и «Сестры Рондольи» в переводе группы переводчиков.

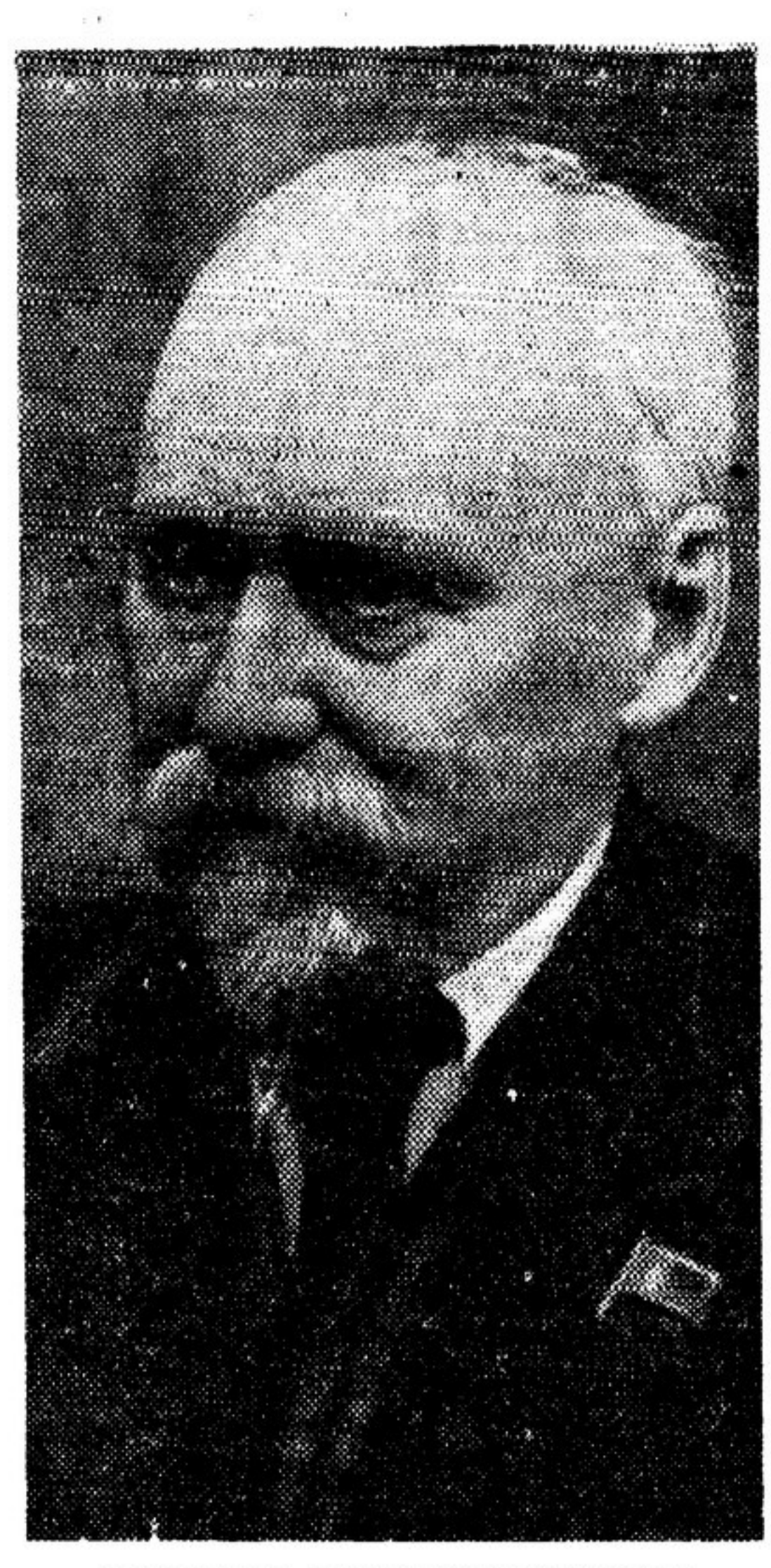
ожидания. И лошади прекрасны, и дрессировка стоит на большой высоте.

Несколько слабей клоунады, но и она проходит в общем весело.

Отдельно хочется сказать об арт. Румянцеве (Карап Г'Аш). Он на менее всего вечер и неутомимо разыгрывает публику своими проделками, вызывая почтением гомерический хохот.

Самое привлекательное в спектакле это то, что артисты выполняют свои трудные номера так весело и непринужденно, точно это не работа, требующая большой подготовки и нередко сопряженная с опасностью, а развлечение для них самих. Ипутам кажется, что эти люди сами развлекутся или хотя бы потешат друг друга. Зритель чувствует себя не зрителем, а гостем веселых, ловких и затаивших людей.

Во всей постановке видна умелая режиссерская рука, и от этого все номера кажутся органически связанными между собой. Очень хороший спектакль.

ЮБИЛЕИ ВЫДАЮЩЕГОСЯ УЧЕНОГО

13 октября исполнилось 70 лет со дня рождения президента Академии Наук СССР Владимира Леонтьевича Комарова.

Имя этого выдающегося ученого нашего времени известно во всем мире. Советский народ хорошо знает и ценит В. Л. Комарова. Трудящиеся Дзержинского избирательного округа гор. Москвы избрали его депутатом Верховного Совета СССР. В связи с семидесятилетием и за выдающиеся научную и общественную деятельность Указом Президиума Верховного Совета СССР В. Л. Комаров награжден орденом Ленина.

ПЕРВЫЙ ДЕКАДНИК НОВЕЛЛИСТОВ

Имя Тихона Булавина еще мало знакомо советским читателям. В толстых журналах произведения Тихона Булавина не печатались, и с большой редкостью в журнале «За китайской стеной» — он впервые выдвинулся в выходившем в скором времени «Московском альманахе». Но в кругу московских новеллистов, ежегодно выходящих в клубе писателей, было не раз выступил и Тихон Булавин, рассказывая его вызывают неизменный интерес.

На первом после летнего перерыва декаднике новеллистов Тихон Булавин читал три новые новеллы — «София Львовна», «Валюшья» и «Барс в калкане». Как всегда, рассказами Тихона Булавина вызвали оживленные разговоры. На этот раз прочитанные рассказы не удовлетворили собравшихся. Особенно разочаровал всех рассказ «София Львовна». Белый словарь, отсутствие естественных гипотез, нарочитость в построении фраз и некоторая разрывность в манере письма — таковы недостатки в рассказе «София Львовна», на которые указали автору выступившие товарищи С. Гельт, Н. Москвитин, В. Зозуля, В. Ковалевский, А. Бек и другие.

Разошлись мнения писателей по поводу третьего рассказа — «Барс в калкане». Одни отмечали острую наблюдательность автора, интересные и в художественном и в познавательном отношении детали, хорошее литературное изложение и, наконец, удачное разрешение темы о мужестве советских колхозников. Другие указывали на художественную незаконченность произведения.

По общему признанию, лучше других повелла «Валюшья».

Возобновленные декадники новеллистов будут происходить в клубе писателей по седьмым числам.

УТРЕННИК КОСТА

12 октября в Военно-Политической академии имени Ленина состоялся большой литературный утренник, посвященный 80-летию со дня рождения народного поэта Осетии Коста Хетагурова.

К часу дня в зале собралась многочисленная аудитория. Утренник открыл вступительным словом член юбилейного комитета скульптор орденосенции С. Д. Тавадзян. После Коста это слово выслушал молодой поэт В. Гоголева. После выступления Коста Хетагурова востал острейший диалог. Востальные солдаты вышли из зала с песней Хетагурова «Долой». Еще с большим ослод завывали стихи Коста в годы гражданской войны.

С докладом о жизни и творчестве Коста и с сообщением о подготовке к юбилею выступил А. Малинкин.

С большим интересом были прослушаны стихи Хетагурова, переведенные на русский язык советскими поэтами. В. Арущико прочел стихи Коста «Взгляни», «Кубали», А. Шпирт — «Мать-спирт», «Спой», Е. Влагинина — «Кто ты?», П. Панченко — «Завещание», «Солдат». Стихи, посвященные Коста, советского осетинского поэта Х. Пилева прочел С. Горюхицкий в своем переводе. В заключение В. Арущико прочел стихи Коста, написанные поэтом на русском языке. Представитель академии т. Монин от имени присутствовавших поблагодарил поэтов за проведение утренника.

«РАДИОКРОКОДИЛ»

С удовольствием услышали радиослушатели сообщение о том, что начинается регулярный выпуск нового журнала. Журнал этот нигде не печатается. Он передается по радио. Каждый месяц, 12-го числа, в 8 часов вечера будет производиться передача очередных номеров «Радиокрокодила».

Первая передача «Радиокрокодила» состоялась 12 октября. В ней следует отметить удачные рассказы В. Арлова и В. Лапина и интересную сценку Г. Рыкина «Два Микша». Первый выпуск был полностью посвящен событиям в Западном Белоруссии и Западной Украине.

ИЗВЕЩЕНИЕ

Лекция члена-корреспондента Академии наук СССР В. И. Пичета, назначенная на 16 октября в клубе писателей, переносится на 22 октября. Вилеты действительны.

Культура радиопередач

На совещании 13 октября специальной комиссии директоров и радиослушателей обсуждалось открытое письмо в Радиокомитет СССР писателя Ф. Галдова, напечатанное в прошлом номере «Литературной газеты».

Многочисленные примеры огороков и искажений слов шривел радиослушатель т. Биков. Нетерпимое положение, когда дикторы вместо Украины, Умань, а не Умань и т. д. Чаше всего дикторы ошибаются в произношении нерусских слов. На-днях, во время ответственной политической передачи диктор несколько раз повторил «Хай живе» вместо «Хай живе». Много искажений наблюдалось в передаче, посвященной памяти поэта Коцюбинского. Оптими повторяются и при записи радиопередач на пленку.

Все это вызывает законные протесты радиослушателей. Но до сих пор в Радиокомитете на них не обращали никакого внимания.

Дикторы тт. Герцкы, Высоцкая, Тобиац, Оленина, Моленауэр рассказали на совещании о тяжелых условиях их работы.

У нас принято считать, — говорил т. Герцкы, — что диктор — это «сервис-мастер», что он, «все может». А диктор говорит к выступлению берет микрофоном 4-5 дней, а нам иногда не дают даже нескольких минут. Сложнейшие радиопередачи политический, технические, музыкальные бесед слышны и рядом вручаются за 2-3 минуты до звонка микрофона. Нам приходится иногда делать по 8 радиопередач в день, перебегаи из студии в студию и без передышки, сразу же включать микрофон. В студиях нет консультантов, которые учили бы правильно произношение новых иностранных слов, встречающихся при передаче политических событий.

Диктор т. Высоцкая привела пример возмутительного безответственности редакции радиопередач. На-днях перед самым выступлением ей вручили ответственную беседу «О часовых морских рубежах», в которой были перенутаны страницы, текст был перечеркнут и неразборчиво написан от руки. Вдобавок последние страницы не оказались, фраза оборвалась на полуслове, и ей пришлось у микрофона самой сочинять конец.

Совещание поручило специальной комиссии разработать новый порядок организации труда дикторской группы и поставить вопрос перед руководителями Радиокомитета СССР о созыве ученой комиссии для выработки единых правил и произношения спорных слов.

Семен Оков

2 октября 1939 г. умер от рака желудка скромный человек, 51 года отроду, поэт Семен Оков. Родился он на Волге, в селе Юрково, в семье колхозника-кустаря.

Агитатор времен гражданской войны, он написал не одно стихотворение, которое вошло в те годы. Его песни «Ведь мотом» в нашей стране поются и теперь. В дни наступления Котлака на Кавказ его стихотворение — гимн к красноармейцам — прозвучало тогда по всей стране.

«Ты над Россией полетел, навигируется, Галинги тнутся в виажети влому, Но не твои ли рукой зажгнется Солнцико красное лоду уталому! — Красноармеет, будь на-чеку, Смерть насидатель тьмы — Котлаку!». Скромному труженнику литературного дела мы отдам должное, как боуду. Покойный был членом партии с 1918 года.

Андрей НОВИКОВ, Ник. КАУРИЧЕВ, А. ПЛАТОНОВ, Д. ЯСИНОВСКИЙ

Редакционная коллегия: В. ВИШНЕВСКИЙ, А. КУЛИГИН (отв. редактор), В. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ, М. ЛОЩИЩЕВ, Е. ПЕТРОВ, Н. ПОГОДИН, А. ФАДЕЕВ.

КНИЖНАЯ ЛАВКА ПИСАТЕЛЕЙ ул. Горького, 13. Тел. К 1-28-32. ПОКУПАЕТ КНИГИ РУССКИЕ И ИНОСТРАННЫЕ; ХУДОЖЕСТВЕННУЮ ЛИТЕРАТУРУ ПО ИСКУССТВУ, ТЕАТРУ в пр. для ослотра домашних библиотек В Ы О Б Ъ Л А Ю Т О В Т О В А Р О В Е Д Ы .

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН ИЗД-ВА «СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ» Кулацкий пер. 18. Тел. К 4-42-39. ПОКУПАЕТ Сочинения ЛЕНИНА — СТАЛИНА художественную литературу в СТАРИХ и НОВИХ изданиях — ВОСР РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ и ИНОСТРАННУЮ ИНОСТРАННУЮ. Для ослотра домашних библиотек высылаются говароведы

И 125-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА ТРЕБУЙТЕ ВО ВСЕХ НОТНЫХ МАГАЗИНАХ КОГИЗ'а И НОТНЫХ ОТДЕЛАХ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ ПОТЫ: БАЛАКИРЕВ М. Романы в песн. Ц 17-50. Содержит 43 произведения для голоса с ф-п. Из них тексты Лермонтова: 1. Еврейская мелодия. 2. И-ноут гаитишной каляйной позамасае. 3. Когда волнуетса желтеющая шна. 4. Отчего. 5. Песня золотой рыбки. 6. Песня. 7. Песня Селма. 8. Сын ли голос твои. 9. Сон. 10. Сон. 11. Утес. ДАРГОМЫЖСКИЯ А. Тучка ветеселье. Для высокого голоса с ф-п. Ц 90 К. ЧАКОВАКИНА П. Почевава тучка золотая. Для среднего хора без сопровождения. Ц 40 К. ЭЛЕГО К. Ночевава тучка золотая. Для высокого или среднего голоса с ф-п. Романы вадан в сборнике: Элегс — 3 романа. Ц 1 Р. ВЫСЛАЮТСЯ НАЛОЖЕННЫМ ПЛАТОНЕМ БЕЗ ЗАТРАД. ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЕ В БЛИЖАЙШИЕ ОБЛАСТНЫЕ ОТДЕЛЕНИЯ КОГИЗ'а «НОТЫ» — ПОЧТОМ. При отступении на местах указаниях произведений плати заказа без залачных сумм издательства Москва, Пединститут, УЧБЛИНГ КОНТОРА «ЛТИЗОННИГА» КОГИЗ'а.

РЕДАКЦИЯ: Москва, Последний пер. д. 28, тел. К 4-46-19 и К 4-34-80. ИЗДАТЕЛЬ: издательство «Советский писатель», Москва, Б. Гнездниковский, 10.

Уполномоченный Главлята Б—5051.

Тапографья газеты «Индустрия», Москва, Цветной бульвар, 30.